МИРОВАЯ КЛАССИКА

Грейс Ливингстон Хилл

ТАЙНА МЭРИ

перевод ЮЛИИ ЗМЕЕВОЙ

Тайна Мэри
Грейс Ливингстон Хилл

Аннотация
Грейс Ливингстон Хилл. Тайна Мэри
Грейс Ливингстон Хилл: история личности как история автора
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Отрывок из книги Грейс Ливингстон Хилл «Девушка из монтаны»

Аннотация

«Тайна Мэри» – аристократический роман, написанный в начале XX века. Это история о том, как важно иногда довериться другому, принять его благородство и добрые намерения.

На бостонской железнодорожной станции к Трайону Данэму подходит незнакомка и просит уберечь ее от опасности. У нее хорошие одежда и манеры, и Трайон без каких-либо сомнений соглашается проводить ее в безопасное место. Он зовет ее Мэри, но кто она такая и откуда здесь взялась? Трайон обнаруживает себя отчаянно пытающимся разгадать тайну, которая ее окружает, – тайну, которая может поглотить их обоих.

Грейс Ливингстон Хилл
Тайна Мэри

Дизайн обложки Виктории Лебедевой
В оформлении обложки использованы материалы Shutterstock

© Юлия Змеева, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. Livebook Publishing LTD, 2026

* * *

Грейс Ливингстон Хилл: история личности как история автора

Судьба американской писательницы Грейс Ливингстон Хилл в целом не отличалась от многих других сложных женских судеб. В ней были и бесконечные переезды, и финансовые трудности, и вдовство, и развод, и бессонные ночи, проведенные в работе, чтобы прокормить семью, и борьба с раком на исходе жизни. Однако Грейс выросла в атмосфере сплоченности и поддержки, благодаря чему ей хватило сил и смелости пережить все, что выпало на ее долю, и стать одной из самых известным писательниц в жанре христианско-романтической литературы.

Грейс родилась в 1856 году в крошечном поселке Уэллсвилл, штат Нью-Йорк. Ее отца, пресвитерианского священника, преподобного Чарльза М. Ливингстона, дела церкви вели из города в город, а семья переезжала вместе с ним. Его жена, Марсия Макдональд Ливингстон, писала статьи для христианских журналов и романтические рассказы о периоде Гражданской войны. Именно мать привила Грейс литературное мировоззре-

ние, а отец сформировал религиозное. Девочке дали разностороннее образование — она играла в шахматы, занималась спортом и верховой ездой, замечательно рисовала, помогала отцу в церкви и воскресной школе; вся семья не только изучала Библию, но и активно читала книги светского содержания, в том числе мировую классику. Это предопределило жанровое направление творчества Грейс.

В мир большой литературы девочку привела ее тетя, писательница Изабелла Макдональд Алден, — именно она первой опубликовала рассказ племянницы в своем журнале «Пэнси» в 1870 году. Уже через семь лет повесть Грейс вошла в цикл изданий для детских библиотек, а через год была издана первая полноценная книга «Идиллия Чаутоквы». Ее выход приурочили к ежегодным «сборам Чаутоквы», тогда еще молодого религиозно-образовательного проекта для взрослых. Первые шаги на писательском поприще оказались успешными — и на протяжении всего своего длинного творческого пути Грейс Ливингстон Хилл написала более сотни романов и множество рассказов.

В ее книгах часто поднимается тема поиска теплого семейного круга и верности идеалам —

она писала о том, чем была полна ее собственная жизнь. Отец сам обвенчал ее с первым мужем, Томасом Франклином Хиллом. Когда Франклин заболел, родители перебрались поближе к Грейс и были рядом после его смерти. Когда вскоре скончался и сам преподобный Чарльз, мать осталась с дочерью и внучками, Рут и Маргарет. Второй муж Грейс, Флавий Джозеф Лутц, оказался бездельником, грубияном и гулякой. Христианское воспитание и убеждения Грейс взывали к терпению и смирению, а не к разводу, но терпеть человека, поддающегося искушениям, было выше ее сил, и она решилась аннулировать брак. Грейс продолжала писать — еще при жизни первого супруга она поняла, что только литература поможет ей зарабатывать деньги, находясь при этом рядом с детьми. Ее жизнь закончилась раньше творчества — последнюю книгу, «Мэри Арден», дописывала после смерти матери ее младшая дочь, Рут. Преемственность поколений семьи Ливингстон обеспечивали талантливые и решительные женщины.

Все обширное литературное наследие Грейс Ливингстон Хилл — это гимн христианской морали. Что ее первый вестерн «Девушка из Монтаны», что романтическая история скитаний «Тайна

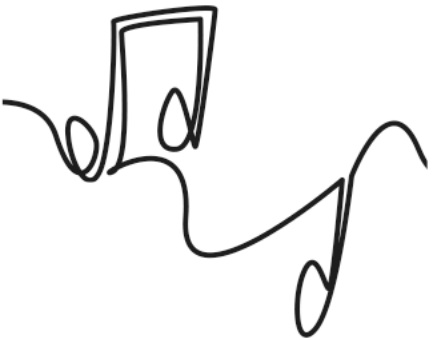
Мэри», что написанная в соавторстве с Элизабет Бут книга о подвигах женщин из Армии спасения призывают читателя следовать простым законам бытия: твори добро, не твори зла, работай над собой.

Ее книги могут показаться немного наивными — их герои неизменно религиозны и добродетельны (либо становятся таковыми), их преследуют соблазны и перипетии судьбы, а в конце добродетельность обязательно вознаграждается, и читатель наслаждается счастливой — или хотя бы вселяющей надежду — концовкой истории. Однако эти книги — зеркало эпохи, периода, когда после Гражданской войны людям хотелось верить в некую высшую справедливость и хорошую жизнь не только в перспективе обретения Царствия Небесного, но и здесь, на земле.

Ее душещипательные сюжеты показывают, как искренне, как уверенно и как ровно может сложиться писательская карьеры женщины, выросшей в небогатой, но здоровой и сплоченной семье. Ее истории и персонажи разительно отличаются от историй и персонажей тех авторов, которые жили с душевным надломом, с семейной травмой, с одиночеством ребенка в мире взрослых, и на примере Грейс Ливингстон Хилл замечательно видно, как среда формирует автора. Ее истории драматичны, но ее злодеи не страшны. Ее праведники непоколебимы, но полны обычных человеческих чувств. Романы Хилл наполнены той простотой, которой не хватает в наше динамичное время, в эпоху высоких технологий и доступной психотерапии, в творческой реальности, сформировавшейся после Джойса и Достоевского, Абэ и Кафки. Нам, за спиной у которых постмодерн и акционизм, освоение космоса и телемедицина, не помешает иногда мысленно оказаться в незатейливой истории со счастливым концом, где вечные ценности десяти заповедей поданы в простой форме, где нет неоднозначных выводов о моральном облике героев, а есть только добро, которое в конце концов обязательно побеждает зло.

Дарья Ивановская, редактор

Глава 1

Он остановился на платформе и посмотрел на часы. Опоздавший поезд, на котором он прибыл, торопливо отошел от станции и скрылся во тьме тоннеля, будто догадывался о своем опоздании и хотел нагнать упущенное время.

Часы показывали пять минут седьмого. Юноша оглянулся на высокую лестницу, ведущую к мосту через пути. Тонкий луч электрического фонаря подчеркнул окружающую темноту, выделяясь на фоне сгущающихся городских сумерек. В семь юноша был приглашен на ужин, а ему еще

нужно было успеть зайти домой и привести себя в порядок.

Путь через мост был долгим, а на лестнице толпились пассажиры. Но под мостом шла короткая дорога через рельсы. Срезав там и вскарабкавшись по зеленой насыпи, юноша сразу оказался бы на квартал ближе к дому. Наверху у моста выстроились кэбы. Ходить по рельсам запрещалось — как предписывала заметная табличка, — но юноша все же решил сэкономить пять минут. Поспешно оглядевшись и удостоверившись, что на платформе не видно дежурных, он побежал через окутанные сумраком пути.

Под мостом его внимание привлек легкий шум: за спиной раздались тихие торопливые шаги, и чей-то голос заставил его вздрогнуть.

— Прошу, не останавливайтесь и не оборачивайтесь, — произнесла женщина и нагнала его в тени. — Позвольте я пойду рядом с вами; может быть, вы покажете, как выбраться из этого жуткого места? Мне очень страшно, и, кажется, за мной следят. Вы поможете мне спрятаться?

Он на мгновение опешил, но повиновался и зашагал дальше, подвинувшись, чтобы она могла идти рядом. Сам он встал ближе к рельсам. В тоннеле загрохотал приближающийся поезд.

Его спутница отдышалась и извиняющимся тоном продолжала:

— Я не знала, что делать, а вы показались мне порядочным человеком. Я решила, что вы поможете мне отсюда выбраться.

В тот самый миг из тоннеля вынырнул огненный глаз мчащегося поезда. Юноша инстинктивно схватил свою испуганную дрожащую спутницу за руку, потянул к насыпи и прижал к груди. Мимо промчался грохочущий состав.

Их окутало едкое облако густого черного дыма, вырвавшегося из тоннеля. Оглушенная механическим ревом и ослепленная дымом, девушка испуганно льнула к своему защитнику. На миг им показалось, будто грохочущий монстр утащит их за собой, так чудовищна была его сила. Но поезд промчался мимо, и наступила звенящая тишина; их будто погрузили в вакуум. Постепенно мир вокруг ожил: по мосту протарахтел трамвай, загудел автомобильный клаксон, послышался крик мальчика, продающего вечерние газеты. Постепенно их дыхание выровнялось, и они пришли в себя.

Юноша первым делом подумал, что надо забраться наверх, не дожидаясь следующего поезда. Схватив спутницу за руку, он начал карабкаться

по крутому склону; при этом он заметил, что запястье, которое он сжимал, было тонким и изящным, а рукав платья его спутницы сделан из дорогой ткани.

Они карабкались наверх, даже не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Сбоку от моста, на головокружительной высоте, обнаружилась лесенка для железнодорожных рабочих, нависающая над зияющей пропастью, где взад-вперед сновали поезда.

Когда они вышли на свет, юноша разглядел свою спутницу: молодая, красивая женщина в платье из тонкого полотна, но без шляпки и перчаток.

Наверху они остановились; девушка схватилась за горло и, вздрогнув, оглянулась. Она напоминала птичку, которая металась, не зная, куда лететь. Ни минуты не колеблясь, юноша поднял руку и подозвал экипаж.

— Скорее сюда! — воскликнул он и помог ей забраться в карету. Затем продиктовал кэбмену свой домашний адрес и сел с ней рядом. Повернувшись лицом к своей спутнице, внезапно осознал всю необычность ситуации, в которой оказался.

— Расскажите, что случилось, — потребовал

он, — и по какому адресу вас лучше отвезти?

Молодая женщина еще не успела отдышаться от испуга и напряжения, поэтому отвечала прерывистыми фразами.

— Нет, я не могу рассказать, что случилось, — она замолчала и взглянула на него, внезапно догадавшись, что он мог о ней подумать. — Но… я ничего… то есть… я не сделала ничего плохого. — Она снова замолчала; прозрачная глубина ее глаз свидетельствовала, что она говорит правду.

— Разумеется, — уверенно ответил он и тут же задумался: а почему он, собственно, ей верит?

— Спасибо, — ответила она и с испуганной растерянностью добавила: — Я не знаю, куда мне лучше поехать. В этом городе я впервые. Будьте так любезны, подскажите, куда бы я могла отправиться… Может, на вокзал? Но… у меня нет денег и… — она в ужасе схватилась за голову, — …и нет шляпки! О!

Юноше вдруг сильно захотелось защитить эту девушку, столь неожиданно оказавшуюся на его попечении. И все же его преследовали смутные опасения. Что, если она окажется воровкой или авантюристкой? Возможно, стоит предоставить ей самой выпутываться из неблагоприятной ситуации, в которую она попала? Но стоило ему об

этом подумать, как он вспомнил ее слова — «вы показались мне порядочным человеком» — и осознал, что не может предать ее доверие.

Девушка снова заговорила.

— Но я не хочу больше вас беспокоить. Вы и так проявили доброту, когда помогли мне выбраться из этого ужасного места. А сейчас, прошу, остановите экипаж и выпустите меня; я смогу сама о себе позаботиться.

— Разве можно отпускать вас одну? Если вам грозит опасность, я вам помогу. — Он сам удивился своей доброте. Он знал, что с незнакомыми людьми следует быть осмотрительным, но, повинуясь порыву, забыл об осторожности. — Если вы хотя бы намекнете, в чем дело, я буду знать, как вам помочь…

— Нет, мне нельзя рассказывать! Я просто не могу! — воскликнула девушка и схватилась за сердце, будто пытаясь удержать его в груди. — Зря я вас втянула, простите меня! Прошу, позвольте мне выйти. Мне уже не страшно; страшно было в том ужасном тоннеле, но мы выбрались. Я боялась, что придется зайти туда одной, ведь я не знала, как можно подняться наверх, а вернуться уже не могла.

— Хорошо, что я оказался рядом, — горячо вос-

кликнул юноша. — В этом тоннеле опасно. Он тянется через весь квартал; вы могли бы погибнуть!

Девушка зажмурилась и закрыла глаза руками. В свете фонарей сверкнули камушки на ее кольцах. Кожа у нее была очень бледная. Он понимал, что перед ним утонченная и богатая дама, но как же она попала на рельсы?

Экипаж внезапно остановился; он выглянул в окно и увидел, что они доехали до его дома. Девушка потянулась к двери, и тут он встревожился, но уже по другому поводу. Его почтенной матушки и чопорной сестрицы, скорее всего, не было дома, но если случайно окажется, что сегодня они не выходили, что же они подумают, увидев, как он появляется из кареты с незнакомой девушкой без шляпки? А главное, что подумает дворецкий?

— Простите, — сказал он, — но я попрошу вас пока не выходить из экипажа. У меня есть на то свои причины. Не могли бы вы подождать меня здесь? Я приглашен на ужин и должен переодеться; это займет всего несколько минут. Вам ничего не грозит, и я отвезу вас в безопасное место. А пока собираюсь, подумаю, что можно сделать. Только прошу, не выходите из кареты. Иначе кэб-

мен заподозрит неладное. Если за вами на самом деле кто-то следит, пока вы в карете, вас никто не побеспокоит: кэбмен не позволит. Не волнуйтесь, я не задержусь. Есть ли у вас друг, которому можно позвонить или отправить телеграмму?

Она покачала головой. В ее глазах блеснули слезы, и она ответила:

— Нет, в городе я не знаю никого, кто мог бы мне помочь.

— Тогда я вам помогу, — с внезапной решимостью проговорил он тоном, который успокоил бы любую испуганную женщину.

Уверенный голос юноши и его почтительный и располагающий вид заставили девушку дождаться его возвращения, хотя в испуге она внезапно прониклась недоверием ко всему миру и не раз подумывала убежать. Но что ей было делать без денег? К тому же ее внешний вид — отсутствие шляпки и перчаток — мог вызвать подозрения. Идти ей было некуда.

Юноша вошел в дом, открыв дверь своим ключом, и услышал дворецкого, поставленным голосом говорившего по телефону.

— Да, мэм, это дом миссис Данэм… Нет, мэм, ее нет дома… Нет, мэм, мисс Данэм тоже вышла… Мистер Данэм? Подождите минуту, кажется,

мистер Данэм только что вошел. Как вас представить? Миссис Паркер Боуман? Да, мэм, одну минуту, пожалуйста. Зову мистера Данэма.

Юноша нахмурился. Разговор его может задержать. К тому же звонила мисс Боуман, а он как раз собирался к ней на ужин. Что ей могло понадобиться? Он еще не опаздывал, вряд ли она взялась бы его разыскивать. Может, что-то случилось и она звонила чтобы отменить ужин? Вот бы так и было! Тогда он освободится и сможет всецело посвятить себя помощи молодой женщине, которую судьба или провидение внезапно ему препоручили.

Он взял трубку, надеясь, что миссис Боуман отменит ужин.

— Добрый вечер, миссис Боуман.

— Мистер Данэм, это вы? Какое облегчение! Я в затруднении по поводу сегодняшнего ужина и звоню спросить, не выручит ли меня ваша сестра. Мисс Майо меня подвела. С ее сестрой что-то случилось, и она не может ее оставить. Она только что позвонила, и я не знаю, как быть. Корнелия дома? Сможете уговорить ее приехать и помочь? Я все равно пригласила бы ее вместо мисс Майо, но она сказала, что на этой неделе планирует поехать в Бостон. А теперь планы изменились,

верно? Вы не могли бы позвонить ей и упросить приехать и выручить меня? Это очень важный ужин, понимаете? У меня все готово.

— Простите, — ответил юноша и в тот момент, кажется, догадался, как решить проблему миссис Боуман и свою собственную, — но Корнелии нет дома. Она непременно помогла бы вам и сделала бы все, что в ее силах, но они с матушкой отправились ужинать в Честнат-Хилл и ушли около получаса назад. Боюсь, мне не удастся до нее дозвониться. Но вы могли бы вычеркнуть меня. Тогда проблема решится сама собой: просто уберите со стола две тарелки, — он добродушно рассмеялся, — и число гостей снова станет четным. Видите ли, миссис Боуман, — поспешно добавил он, услышав, что миссис Паркер Боуман начала возражать, — у меня самого возникло небольшое затруднение. Поезд пришел с опозданием, и по пути со станции я встретил девушку… подругу. — Вспомнилась старая поговорка: «Друг познается в беде». В этом смысле они с незнакомкой уже могли считаться друзьями. — Она совсем не знает город и оказалась здесь одна. Кроме меня, у нее нет здесь знакомых, и я чувствую себя обязанным проводить ее до гостиницы и узнать расписание поездов. Сегодня она уезжает.

— Что вы такое говорите, Трайон Данэм! Молодая женщина в беде, а вы предлагаете мне никак в этом не участвовать? Нет уж, даже если вы едва знакомы, приводите ее с собой. У нас будет четное число гостей, и вы меня очень обяжете. Нет-нет, ни слова больше! Просто скажите, что ей ни к чему стесняться; мы с вашей матушкой старые подруги. Ваши друзья — мои друзья, мой дом всегда для них открыт. Уверена, ваша знакомая не станет возражать; те, кто много путешествуют, учатся переступать через маленькие формальности и умеют ходить в гости без приглашения и предварительного знакомства. Передайте, что, если эта девушка решит задержаться у нас, я непременно нанесу ей ответный визит — или заеду к ней на ужин, когда мне случится побывать в ее городе. Полагаю, она только что вернулась из-за границы — куда еще могла ездить молодая женщина? — или просто вынуждена покинуть свой дом, и если она еще не свыклась со своими новыми обстоятельствами, это произойдет очень скоро. Опишите ей мое затруднительное положение и скажите, что она очень обяжет меня, если придет. К тому же — я не хотела говорить, думала сделать вам сюрприз, но, думаю, уже можно сказать, — придет судья Блэкуэлл с супругой, а мне

бы очень хотелось вас представить. Я уже давно пытаюсь вас свести.

— О! — с интересом воскликнул юноша. — Судья Блэкуэлл! Я давно хотел с ним познакомиться.

— Он тоже о вас наслышан и, полагаю, хочет с вами встретиться. Вы знали, что он подумывает взять партнера? Прежде он всегда отказывался… Впрочем, это уже другая история, а мне некогда. Вам уже пора выходить, вы знаете? Передайте подруге, что я буду вечно благодарна ей за участие и не приму отказ. Говорите, она недавно вернулась из-за границы? Наверно, она хорошо играет на фортепиано? Уговорите ее нам сыграть. Она же согласится нам сыграть? Я так рассчитывала на мисс Майо!

— Возможно, вам удастся ее убедить, — рассеянно пробормотал юноша, одной рукой развязывая галстук и расстегивая воротничок и мысленно подсчитывая, сколько времени займет переодевание во фрак.

— Ну разумеется. Только не говорите ей заранее, а то откажется. И пусть не переодевается — все поймут, если я скажу, что она только что приехала из-за границы и мы поймали ее на лету. О, кажется, ко мне уже пришли! Ради всего святого, Трайон, поторапливайтесь; кухарка очень

злится, когда я задерживаю подачу к столу. До встречи! И, кстати, как ее зовут?

— О! Хм-м… — Ему почти удалось расстегнуть воротник, и он уже собирался повесить трубку, когда его настигло новое затруднение. — Хм-м… да, конечно же… ее зовут… чуть не забыл, — лихорадочно затараторил он, оттягивая время и пытаясь вспомнить любое имя. Рядом лежал телефонный справочник, открытый на букве «Р». Он схватил его и назвал первую попавшуюся фамилию.

— Да-да, ее зовут Ремингтон. Мисс Ремингтон.

— Ремингтон! — восторженно воскликнула миссис Боуман. — Не Кэролин Ремингтон случаем? Это была бы такая удача!

— Нет, — растерянно ответил он, — нет, не Кэролин. Ее зовут… Э-э-э… Мэри. Мэри Ремингтон.

— Ох, боюсь, тогда мы не знакомы, но это неважно. Поспешите, Трайон! Уже без пяти семь. А где, вы сказали, она живет? — Но на линии раздался щелчок: юноша повесил трубку и побежал наверх, в свою комнату, перепрыгивая через три ступеньки. Он лихорадочно соображал. Он понял, что совершил отчаянный поступок, хоть и не по своей инициативе, и теперь не видел никакой возможности выпутаться из затруднительного

положения: ведь как иначе он поможет девушке, если не возьмет ее с собой?

Он обдумал различные варианты развития событий. Он мог бы привести ее в дом и придумать объяснение для слуг, но как именно объяснить присутствие в доме незнакомой женщины? Правду он сказать не мог, да и как растолковать все матушке и сестре? Те могли вернуться раньше него и засыпать гостью вопросами.

А девушка — согласится ли она с ним поехать? Если нет, как с ней поступить? И как быть с ее платьем? Подходит ли оно для посещения великосветского приема миссис Паркер Боуман? Насколько он помнил, платье было скромное и изящное. Вероятно, обычное для путешествующей леди. Впрочем, откуда миссис Боуман взяла, что она путешествует? Он же ничего подобного не говорил, не упоминал, что его знакомая приехала из-за границы и что она умеет играть на фортепиано. Он просто не мог знать таких подробностей о незнакомке, но в данных обстоятельствах не мог и возразить миссис Боуман.

А еще на девушке не было ни шляпки, ни плаща. Являться на ужин в таком виде было бы странно. Она и не согласится. Он надевал пальто и вдруг обратил внимание, что внутренний карман

оттопыривается: там что-то лежало. Нетерпеливо сунув руку в карман, он вытащил пару длинных белых перчаток. Те принадлежали его сестре, и теперь он вспомнил, что накануне вечером они возвращались с приема и сестра сняла их, потому что пошел дождь. Внезапно его озарило. Ну разумеется! Почему он раньше об этом не подумал? Он поспешил в комнату сестры, намереваясь одолжить у нее несколько вещей, но уже на пороге уверенность его покинула. В комнате царил безупречный порядок: ни разбросанных шляпок, ни перчаток. Горничная Корнелии Данэм хорошо выполняла свои обязанности. Лишь один предмет казался не на месте: коробка на стуле у двери. На коробке значилось название модной шляпной мастерской, а на крышке крупным заостренным почерком Корнелии было написано: «Вернуть мадам Долар». Он схватил коробку и подошел к шкафу. Нельзя было терять ни минуты; в коробке наверняка лежала шляпка. Если Корнелия собиралась вернуть шляпку в мастерскую, она наверняка решит, что ее забрали, и не будет допытываться. А он позже заедет к мадам Долар и оплатит счет без ведома сестры.

В шкафу он обнаружил несколько накидок и довольно элегантных вечерних плащей, но потом

смекнул, что кто-то, возможно, уже видел их на Корнелии. Он поспешно закрыл дверь, спустился и открыл большой шкаф под лестницей, откуда извлек новый черный плащ матери. Похлопав по карману пальто и убедившись, что перчатки на месте, взял свою шляпу и поспешил к экипажу, держа в руке шляпную картонку, волоча за спиной плащ матери и стараясь не попадаться на глаза дворецкому.

Закрыв дверь дома, он вдруг испугался, что девушка могла убежать. Что ж, это избавит его от беспокойства и, вероятно, станет наилучшим исходом дела. Однако, к своему удивлению, он понял, что при мысли об этом испытал разочарование. Он не хотел, чтобы она уходила. С трепетом заглянув в карету, он с облегчением увидел, что она все еще там, сидит, забившись в угол с расширенными от испуга глазами. Она дрожала и старалась, чтобы он этого не заметил. Дождавшись его, она поняла, что все же его боится, ведь, в конце концов, он тоже мог оказаться непорядочным человеком.

Глава 2

— Простите, что так долго пропадал, — виноватым тоном произнес юноша и закрыл дверь кареты, сперва продиктовав кэбмену адрес миссис Паркер Боуман. В тусклом свете электрического фонаря девушка выглядела прелестной и беззащитной. У него возникло сильное желание избавить ее от бед и переложить их на свои широкие плечи.

— Я кое-что вам принес, — сказал он. — Наденьте, пожалуйста, этот плащ. Возможно, он не совсем в вашем вкусе, но это лучшее, что мне

удалось найти. Похолодало.

Он расправил плащ и накинул ей на плечи.

— Спасибо, — с благодарностью пробормотала она и сунула руки в рукава.

— А в этой коробке должна быть шляпка, по крайней мере, я на это надеюсь, — продолжал он. — Надо было заглянуть, но я очень спешил. — Он развязал бечевку и извлек из коробки большую нарядную шляпу, украшенную длинными черными перьями. К его радости, она оказалась черной. Когда он развязывал веревку, он беспокоился, что внутри окажется одна из безумных кричащих шляп, которые так любила Корнелия, называя их «произведениями искусства».

Девушка взяла шляпку с благодарным облегчением, и у него отлегло от сердца.

— А теперь, — промолвил он, достал перчатки и торжественно положил их ей на колени, — мы едем ужинать.

— Ужинать? — в страхе воскликнула девушка.

— Да. Случилась удивительная вещь: когда я зашел в дом, зазвонил телефон; звонила миссис Паркер Боуман, к которой я сегодня приглашен. Одна гостья не смогла прийти, и миссис Боуман попросила мою сестру ее заменить. Но сестры не было дома, и я попытался выкрутиться. Сказал,

что случайно встретил… надеюсь, вы меня простите… В общем, я назвал вас своей подругой.

— О, — ответила девушка, — очень мило.

— Я объяснил, что вы впервые в этом городе и никого, кроме меня, тут не знаете. Что я должен отвезти вас в гостиницу и помочь сесть на вечерний поезд. Я сказал миссис Боуман, что не приду на ужин и тогда у нее будет четное число гостей, но она позвала одного человека с целью нас познакомить и очень расстроилась, что гостей окажется меньше, чем она рассчитывала, поэтому пригласила вас и пообещала отплатить ответным визитом при случае, если согласитесь сейчас ее выручить. С моих слов она почему-то решила, что вы путешествуете, только что вернулись из-за границы и временно разлучены с друзьями. Она также почему-то вбила себе в голову, что вы умеете играть на музыкальном инструменте, поэтому будет просить вас сыграть… Я ответил, что не знаю, сможете ли вы ей услужить, и она, слава богу, не стала уточнять, умеете ли вы еще и петь. Я рассказываю вам все это, чтобы вы знали, чего ожидать… Естественно, я ничего подобного ей не говорил; она сама все додумала. А еще я сказал, что вас зовут мисс Ремингтон, Мэри Ремингтон. Миссис Боуман обрадовалась,

решив, что вы — Кэролин Ремингтон, кем бы она ни была. Полагаю, об этом она тоже скажет. Но дело в том, что Ремингтон — первая фамилия, которая попалась мне на глаза в телефонном справочнике. Если вы возражаете притвориться мисс Ремингтон на вечер, я могу сказать, что миссис Боуман неправильно расслышала ваше имя из-за помех на линии… Но, возможно, вы могли бы рассказать что-нибудь о себе — так мне будет проще, ведь я никогда не притворялся и не уверен, что у меня это хорошо получится.

Девушка ошеломленно внимала всему, что он говорил, от потрясения не в силах произнести ни слова.

— Но я не могу ехать ужинать, — наконец выпалила она и снова схватилась за горло, будто кружевной воротник стягивал ей шею и не давал вздохнуть. — Я должна немедленно где-нибудь спрятаться! Я причиняю вам слишком много беспокойства. Я и так злоупотребила вашей добротой. Вы дали мне плащ и перчатки; теперь я справлюсь сама и очень вам благодарна! Я их верну, обещаю.

Экипаж замедлил ход; Трайон Данэм выглянул в окно и заметил, что к дому миссис Боуман подъехала другая карета и остановилась перед ними.

Решать нужно было немедленно.

— Моя дорогая, — выпалил он, — я не могу оставить вас одну, и лучше будет, если вы зайдете со мной и посидите немного у миссис Боуман. А когда я освобожусь, сразу же отвезу вас, куда скажете. Здесь вас никто не найдет; никто не догадается, что вы пошли на ужин к даме, с которой даже не знакомы. Поверьте, это самый безопасный вариант из всех! Вот дом миссис Боуман. Согласны ли вы пойти со мной? Если нет, велю кэбмену отвезти нас в другое место.

— Но что она обо мне подумает, — испуганно произнесла девушка, — и разве можно обманом проникать в дом женщины и заявляться на ужин без приглашения? К тому же я неподходяще одета.

Экипаж остановился у входа; кэбмен спрыгнул с козел.

— Она ничего не подумает, — заверил ее Данэм. — Она обрадуется четному числу гостей. Миссис Боуман устраивает замечательные ужины, поверьте; вам ничего не придется делать, лишь говорить на светские темы и быть любезной. Миссис Боуман велела вам не беспокоиться о платье. Она считает, что вы путешествуете, и понимает, что приглашение застигло вас врасплох.

Можете сказать, что ваш багаж еще не доставили или отправили в следующий пункт назначения. Так вы согласны пойти со мной?

Кэбмен открыл дверь.

В тот же миг девушка собралась и напустила на себя сдержанный вид, какой был у нее, когда она впервые с ним заговорила. Она спокойно вышла из кареты и вполголоса произнесла:

— Что ж, пожалуй, так действительно будет лучше.

Данэм ненадолго задержался и велел кэбмену отвезти большую шляпную коробку в свой клуб. Он в последний момент вспомнил, что от коробки надо избавиться.

— Если спросят, куда вы дальше направляетесь, что мне ответить? — тихо спросил он, когда они поднимались по лестнице. Лицо девушки озарила слабая улыбка.

— Люди, приехавшие из-за границы, часто останавливаются в этом городе по пути в Вашингтон, — робко заметила она.

В ответ он улыбнулся и удовлетворенно заметил, что черная шляпка ей очень шла. Для роли, которую ей предстояло сыграть, наряд был весьма подходящим: черный плащ делал ее похожей на путешественницу.

В следующий миг дверь распахнулась, и юноша вспомнил, что должен представить спутницу. Поскольку времени узнать ее настоящее имя уже не оставалось, пришлось полагаться на удачу.

Девушка уверенно проследовала за служанкой в гардеробную, будто и прежде бывала в этом доме. Но сам Трайон трепетал от страха, снимая пальто и поправляя галстук. Он успел заметить, что гости уже собрались, и знал, что миссис Боуман не терпелось позвать их к столу. А потеряв девушку из виду, не на шутку испугался. А вдруг окажется, что она не знает светского этикета? Его ждет позор! Он даже толком не успел разглядеть ее при свете. И как только он осмелился привести ее сюда?

Но сокрушаться было поздно: девушка показалась из гардеробной, а им навстречу шла миссис Боуман с распростертыми руками и дружелюбной улыбкой на лице.

— Моя дорогая мисс Ремингтон, как же я рада, что вы меня выручили! Одного взгляда на вас достаточно, чтобы понять, что знакомство будет чудесным. Благодарю, что согласились пренебречь формальностями.

— Вы очень любезны, что пригласили меня, — с безупречным самообладанием ответила девуш-

ка, — хотя мы с вами не знакомы…

— Ни слова больше, дорогая. Друзья мистера Данэма — мои друзья. Трайон, разве вы не сказали своей подруге, как давно мы с вами приятельствуем? Если вы не рассказывали ей обо мне, я могу и обидеться! Что ж, проходите; моя кухарка уже в отчаянии. Мисс Ремингтон, скажите, как вам удается сохранять такой свежий и очаровательный вид после долгого океанского плавания? Хочу знать ваш секрет.

Юноша внимательнее взглянул на девушку и заметил, что ее платье идеально подходит случаю, а сама она очень юна и красива. Он взирал на нее с хозяйской гордостью, а она тем временем знакомилась со всеми гостями. Потом он увидел, что она окинула быстрым взглядом комнату и будто бы вздрогнула и отпрянула; ее лицо побледнело, но она сделала над собой усилие, совладала с чувствами и продолжила играть свою роль.

Когда ее представили судье Блэкуэллу, Данэму показалось, что тот посмотрел на нее чуть более заинтересованно, чем полагалось случаю, но его проницательный взгляд тут же переместился на самого юношу. В тот момент гостей позвали к столу, и Данэму пришлось отвлечься от своей протеже.

Мисс Ремингтон посадили между Данэмом и судьей. Юноша обрадовался такой рассадке и украдкой наблюдал за деликатным румянцем на щеках девушки, изящными линиями ее скул, подбородка и уха, изгибом темных ресниц и волной каштановых волос. При этом он пытался вести с ней легкую беседу, как и положено старому другу.

Наконец судья повернулся к девушке и сказал:

— Мисс Ремингтон, вы очень похожи на молодую женщину, которая сегодня приходила ко мне в контору.

Нежный румянец схлынул с щек девушки; ее губы побелели, но она храбро взглянула на судью, и ее темные глаза встретились с его добродушными голубыми. Она ответила на его вопросительный взгляд с холодным достоинством.

— Да, вы так похожи на эту женщину, что я бы принял вас за ее сестру, если бы не имя, — продолжал судья Блэкуэлл. — Она была довольно интересна и привлекательна. — Старый джентльмен взглянул на девушку, как показалось Данэму, с благосклонностью. — Простите, что упоминаю об этом, но она была одета в такое же изящное и красивое платье, как у вас, и оно очень ей шло. Она меня очень заинтересовала, хотя до сего-

дняшнего дня я ее не встречал. Она приходила ко мне по одному делу, и когда мы все решили, не успела забрать документы и будто испарилась! Она забыла в конторе шляпку и перчатки — сняла, пока ждала оформления документов. Шляпка с перьями, длинными и пышными, насыщенного цвета кофе со сливками.

Юный Данэм взглянул на платье девушки и с удивлением увидел, что его шелковистые складки были того же насыщенного оттенка кофе со сливками. Однако девушка даже бровью не повела под пристальным взглядом судьи. Она перебирала соленый миндаль, лежавший возле ее тарелки, и так уверенно сжимала в руке тяжелую серебряную вилку, будто разговор за столом шел об открытии Северного полюса. Спокойным и естественным тоном она спросила:

— Но как она могла испариться?

— Мне это совершенно непонятно. В комнате, где она сидела, три двери; одна ведет в кабинет, где работаю я, а две другие — в коридор; одна выходит в боковую часть здания, а вторая — к грузовому лифту. Мы обыскали все здание и не нашли ни следа этой девушки. Признаться, я очень обеспокоен.

— А зачем ей было уходить? — Девушка зада-

ла этот вопрос с нейтральным любопытством, как и полагается в разговоре с малознакомым человеком.

— Даже не представляю, — задумчиво ответил старый судья. — Она выглядела вполне здоровой и счастливой, пришла ко мне по делу и совершенно добровольно. Сразу после ее исчезновения в кабинет вошли двое мужчин и стали спрашивать о ней. У одного было умное лицо, но жестокий и упрямый взгляд; другой показался мне очень красивым, но неприятным. Не обнаружив молодой женщины, он сказал, что заберет ее шляпку, но я уже распорядился ее унести. Откуда мне было знать, что этот человек — ее друг или родственник? Я намерен сохранить шляпку до тех пор, пока хозяйка за ней не вернется. Признаюсь, случившееся меня очень расстроило.

— Думаете, с ней произошло что-то плохое? — спросила девушка.

— Сложно представить, что могло случиться с ней за столь короткое время, и все же это очень странно. Моя дочь была примерно того же возраста, когда умерла, поэтому посетительница никак не выходит у меня из головы. Когда я увидел вас в дверях, я опешил; решил, что это она. Если мне удастся ее отыскать, я намерен расследовать ее

дело. Мне кажется, этой девушке нужен друг.

— Уверена, она будет счастлива иметь такого друга, как вы, — ответила девушка, и ее взгляд согрел сердце судьи, вызвав в нем восхищение.

— Благодарю, — мягко ответил он, — вы очень добры. Но, возможно, она уже нашла друга лучше меня. Я очень на это надеюсь.

— Или такого же доброго, — тихо предположила девушка.

Разговор перешел на общие темы, и несколько секунд девушка не поднимала головы. Но юноша, сидевший справа от нее, не пропустил ни слова из предыдущей беседы и размышлял об услышанном, не обращая внимания на историю, которую начала рассказывать миссис Блэкуэлл.

Дамы вышли из-за стола, и хотя Данэм очень ждал этого момента, чтобы поговорить с судьей, от которого, возможно, зависела его будущая карьера, он невольно пожалел, что не может проследовать за своей спутницей в другую комнату. Теперь он не сомневался, что его новая знакомая справится со своей ролью, но ему хотелось быть рядом, наблюдать за ней, изучать и попытаться лучше ее понять в надежде разгадать ее загадку, которая с каждой минутой казалась все более запутанной.

Когда она направилась к выходу, он проследил за ней взглядом, а хозяйка дома, задержавшись у его стула, прошептала:

— Неудивительно, что вы так к ней привязаны. Она очаровательна. Но позвольте нам украсть ее у вас на несколько минут. Обещаю, у вас еще будет возможность пообщаться.

Тут неожиданно и вопреки себе молодой человек, несмотря на весь свой опыт и самообладание, залился краской и обрадовался, когда дверь за миссис Боуман закрылась.

Мисс Ремингтон уверенно зашла в салон, но ее сердце трепетало. Наступил момент настоящего испытания. Она перебирала в уме безопасные темы разговоров и инстинктивно потянулась к жене судьи, надеясь найти у той защиту. Однако к ней тут же подскочила хозяйка и присела рядом на чиппендейловский стул.

— Моя дорогая, я так рада, — заговорила она. — Какое счастье, что вы оказались у меня! Скажите, давно вы знакомы с Трайоном?

Девушка перевела дыхание и собралась с мыслями. Она робко заглянула в любопытные глаза миссис Боуман, и на ее лице промелькнуло легкое лукавство.

— Пожалуй… — ее колебание казалось есте-

ственным, и миссис Боуман решила, что ее гостью и Трайона связывает нечто особенное. — Пожалуй, не очень давно, миссис Боуман; по крайней мере, меньше вашего. — Она обаятельно улыбнулась.

— Ах, хитрое дитя! — воскликнула женщина и шутливо похлопала девушку веером по округлой щеке. — Вы, наверно, познакомились, когда летом он ездил за границу?

— О нет, что вы! — девушка невольно рассмеялась. — Нет, это случилось уже после его возвращения.

— Значит, в Адирондакских горах, — продолжила допрашивать ее миссис Боуман. — Вы были в… — Но девушка ее прервала. Она не могла обсуждать Адирондакские горы, но увидела в противоположном углу рояль, и у нее возникла идея.

— Мистер Данэм сказал, что вы хотели, чтобы я сыграла для вас, ведь ваша подруга, которая играет на пианино, не пришла. Я с радостью возьму это на себя. Что вы любите? Серьезные или веселые пьесы? Шопена, Бетховена или что-то более современное?

Миссис Боуман почувствовала, что перед ней музыкальный талант, и, желая порадовать своих

гостей, воодушевленно воскликнула:

— Как же вы любезны! Я не осмеливалась вас просить; Трайон сомневался, захотите ли вы мне помочь. Пожалуй, начать можно с серьезной пьесы, а потом, когда придут мужчины, перейдем на веселые. Автора выбирайте сами, хотя я большая поклонница Шопена.

Не говоря ни слова больше, девушка тихо подошла к роялю и села. Первые несколько минут она небрежно перебирала клавиши, будто те были ее старыми друзьями и она заново с ними знакомилась. Потом она заиграла ноктюрн Шопена. Она касалась клавиш уверенно, но мягко, а звук, который извлекала из инструмента, напоминал колокольчик, и небольшая компания дам, собравшихся в салоне, сразу догадалась, что перед ними музыкант, мастерски владеющий своим искусством. Грациозная фигура девушки, ее прелестная головка и волосы, уложенные простыми волнами, производили еще более приятное впечатление, когда она вот так сидела за роялем и управляла сложными гармониями. Даже миссис Блэкуэлл перестала обмахиваться веером, заинтересовалась и, наклонившись к миссис Боуман, прошептала: «Какая чудесная девушка. И какую красивую пьесу она выбрала». Миссис Блэкуэлл

была женщиной заурядной, старомодной, но добродушной.

Щеки миссис Паркер Боуман порозовели, а глаза засияли. Она уже планировала, как никому не отдаст свое новое приобретение и будет хвастаться им подругам. Больше всего на свете она любила придумывать новые развлечения для своих гостей.

— Мы заставим вас играть, пока вы не рухнете без сил, — восторженно провозгласила она, когда умолк последний скорбный, плачущий, тихий аккорд. Прочие дамы забормотали «чудесно! чудесно!» и одобрительно зашептали.

Девушка улыбнулась и заиграла вальс Шопена; она играла громко, и те, кто хотел пошептаться, могли спокойно это сделать, не боясь, что их услышат. После этого пианистка блестяще исполнила сонату Бетховена.

С первыми нотами «Каменного острова» Рубинштейна, утонченного музыкального портрета, в комнату зашли джентльмены.

Трайон Данэм поговорил со знаменитым судьей, как и рассчитывал, но беседовали они не о юриспруденции.

Оба проводили юную незнакомку взглядом, когда та вышла из гостиной, и после переглянулись,

заметив, что смотрят в одну сторону.

— Она очаровательна, — сказал старый судья, улыбнувшись юному коллеге. — Ваша близкая подруга?

— Я… очень на это надеюсь, — смущенно запинаясь, выпалил Данэм. — То есть… мне хотелось бы, чтобы она считала меня своим близким другом.

— Ах! — воскликнул судья и с добродушной улыбкой заглянул в глаза юноши, будто вспоминая приятные события из своей молодости. — Вам очень повезло. Надеюсь, вам удастся убедить ее в этом. Знаете, она меня очень заинтересовала, и я почему-то уверен, что она имеет отношение к сегодняшнему происшествию в конторе.

Юноша выразил интерес, и судья снова пересказал историю, на этот раз подробнее.

Они сели немного особняком от других гостей. Миссис Боуман предупредила супруга, что надо дать юному Данэму возможность поговорить с судьей, и тот, увидев, что планы жены увенчались успехом, не стал мешать собеседникам.

Когда в соседней комнате зазвучала музыка, судья на миг прервался, прислушался и продолжил свой рассказ.

— Напротив одного из выходов в моей конторе

находится грузовой лифт, и мне почему-то кажется, что девушка могла скрыться именно в этом направлении, хотя дверь была закрыта, а лифт как раз стоял в подвале.

Юноша с любопытством расспрашивал судью, предчувствуя, что его рассказ может объяснить загадку молодой женщины, сейчас находившейся в соседней комнате.

— Загляните в контору завтра, — сказал судья. — Возможно, вы ее встретите и сами убедитесь, что она очень похожа на вашу подругу. Кстати, не она ли так превосходно играет? Давайте узнаем. Мистер Боуман, надеюсь, вы не против, если мы пойдем к дамам? Хотим послушать музыку вблизи.

Другие джентльмены тоже встали и проследовали за ними.

Когда они вошли, девушка не прервалась и не подняла головы, продолжив играть под завороженными и восторженными взглядами гостей. Она музицировала с таким чувством, что невольно притягивала внимание.

Трайон Данэм, стоявший за спиной судьи, замер от изумления. Он никогда бы не подумал, что под прикосновениями этой хрупкой девушки способна рождаться такая необыкновенная

завораживающая мелодия. Ее исполнение было столь совершенным, что он ощутил головокружительный восторг, будто в чем-то это являлось и его заслугой.

В заключение она исполнила блестящую «Венгерскую рапсодию» Листа. Тонкие пальцы брали звучные аккорды и перескакивали через октавы с такой точностью и быстротой, будто ей руководила сверхъестественная сила. Наконец драгоценным дождем пролились финальные ноты, и она повернулась к нему — единственному другу в толпе незнакомцев.

Он заметил, что она играла в большом напряжении. Разрумянившееся лицо казалось усталым, глаза блестели от лихорадочного возбуждения. Эти глаза, казалось, умоляли спасти ее от пристальных взглядов любопытных, хоть и дружелюбно настроенных незнакомцев. Те восторженно окружили ее, засыпали вопросами и комплиментами.

— Где вы учились? Должно быть, у великого мастера? Расскажите о себе. Нам не терпится все узнать, и мы готовы слушать, сидя у ваших ног!

Трайон Данэм прервал допрос, достав из кармана часы и притворившись, что внезапно вспомнил о чем-то важном. Он издал весьма

правдоподобный испуганный возглас.

— Прошу меня простить, миссис Боуман, не хочу прерывать этот чудесный вечер, — извинился он, — но, боюсь, если мисс Ремингтон хочет успеть на вечерний поезд, ей нужно спешить. Мисс Ремингтон, сможете собраться за три минуты? Экипаж уже ждет.

С огромным облегчением, но подыгрывая ему и ужаснувшись столь позднему часу, девушка вскочила и поспешила за плащом, невзирая на возражения хозяйки дома. Она осыпала миссис Боуман милейшими благодарностями за приятный вечер, водрузила большую черную шляпу с перьями на маленькую головку, накинула черный плащ поверх платья и торопливо натянула перчатки, надеясь, что хозяйка не заметит, как они ей велики.

— А у кого вы учились? — спросила неуемная хозяйка, которой все-таки не терпелось узнать, что за великая исполнительница побывала у нее в гостях.

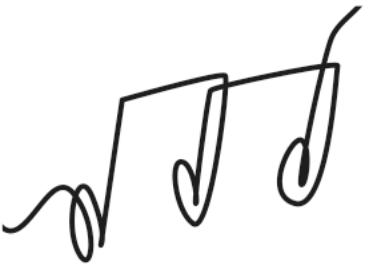
— О… мистер Данэм меня зовет, миссис Боуман. Простите за спешку. Вы так любезны, что пригласили меня; я рада, что мне удалось найти друзей в незнакомом городе.

Она поспешила к крыльцу и спустилась по ши-

рокой лестнице, а хозяйке ничего не оставалось, кроме как пойти следом.

Гости столпились в коридоре, чтобы попрощаться и сказать девушке, насколько сильно им понравилась ее игра. Миссис Блэкуэлл даже настояла на том, чтобы поцеловать юную пианистку в нежную щеку, и прошептала ей на ухо: «Вы очень хорошо играете, дорогая. Я бы хотела как-нибудь еще вас послушать». В ее голосе звучала такая доброта, что измученная усталостью и нервами девушка чуть не прослезилась.

Глава 3

Данэм торопливо усадил ее в карету, отмахиваясь от гостей, которые желали лично попрощаться, и через миг они очутились в полумраке экипажа, помчавшего их прочь от гостеприимного дома миссис Боуман.

Как только захлопнулась дверь, девушка задрожала.

— Ох, зря мы это сделали! — воскликнула она, вспоминая все, что только что произошло. — Такие добрые люди. А мы навязались на ужин. Но вы… вы не виноваты. Виновата только я. Вы тоже очень добры.

— Мы не навязывались, — отрезал Данэм. — Я

лишь сказал, что вы моя подруга. И вы произвели прекрасное впечатление. Вы так чудесно играли! Я хотел бы услышать вас снова.

Экипаж остановился, пропуская трамвай, и два пассажира оказались под ярким электрическим фонарем. Какой-то прохожий с любопытством на них посмотрел, и девушка испуганно вжалась в стенку кареты. В ту же секунду они оба подумали о ситуации, требующей немедленного разрешения.

— Итак, чем я могу помочь? — спросил Данэм спокойным деловитым тоном, будто считал своим правом и привилегией оказать ей необходимую поддержку. — Вы подумали, куда поедете?

— Мне было некогда об этом думать. Я могла думать лишь о том, как вести себя в гостях. Но я понимаю, что нельзя больше обременять вас своим присутствием. Вы и так сделали для меня слишком много. Если прикажете остановить карету на тихой незаметной улочке, где меня никто не увидит, я выйду и избавлю вас от своего общества. Я бы и не стала вас ни о чем просить, если бы не была так напугана. Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить вам за доброту, хотя вы так много для меня сделали, что, боюсь, это будет невозможно.

— Прошу, не говорите так, — принялся возражать юноша. — Помогать вам было приятно, и вы уже отплатили радостью, которую доставили мне и моим друзьям. Я не оставлю вас, пока не решатся ваши проблемы, об этом даже думать нечего; но прошу, хотя бы намекните, как я могу помочь, и я сделаю все возможное. Вы уверены, что за вами следили? Не хотите довериться мне и рассказать подробнее?

Ее пробрала крупная дрожь.

— Простите, — пробормотал он, — вижу, вам страшно об этом вспоминать. Я понимаю, как неприятно признаваться в чем-то незнакомому человеку, поэтому не буду уговаривать все мне рассказать. Попробую думать за вас. Допустим, мы поедем на вокзал и купим билет. Куда вы хотели бы поехать? Можете не сомневаться, я никому не скажу, куда вы отправились. — В его голосе слышался легкий упрек; она взглянула на него, и он заметил слезы в ее глазах.

— О, я ни капли в этом не сомневаюсь! — расстроенно воскликнула она. — Не думайте так, пожалуйста. Но… вы просто не понимаете.

— Прошу меня простить, — повторил он и протянул руку. Ее изящная ладонь в перчатке легла в его ладонь.

— Вы так добры, — пробормотала она, будто больше ничего не приходило ей в голову. А потом вдруг добавила: — Но я не смогу купить билет! У меня нет денег, и…

— Забудьте об этом. Я с радостью одолжу вам, сколько потребуется. Небольшой долг вас не обременит.

— Но я не знаю, когда смогу его вернуть, — запинаясь, ответила она, — разве что… — она быстро сняла перчатку и стянула с пальца кольцо с блестящим камнем. — Разве что вы возьмете это кольцо в качестве оплаты… Не хочу причинять вам беспокойство, но за этот камень можно выручить приличную сумму.

— Что вы, — возразил он, — я не возьму ваше кольцо. Позвольте купить вам билет, это такая мелочь. Я никогда не пожалею об этих деньгах. Забудьте о долге, пока не решите свои проблемы.

— Прошу! — она настойчиво протягивала ему кольцо. — Если вы не возьмете кольцо, я сейчас же выйду из кареты!

— Но что, если это подарок и вы им дорожите?

— Вы угадали, это подарок отца, — коротко отвечала она, — и он был бы не против, что я нашла ему такое применение. — Она почти нетерпеливо вложила кольцо ему в руку.

Он инстинктивно сомкнул кулак и почему-то испытал волнение, сжимая вещицу, которая еще хранила тепло ее пальцев. Он уже забыл, что они практически не знакомы, и думал лишь о том, как ей помочь.

— Я сохраню кольцо у себя, пока вы не попросите его отдать, — добродушно ответил он.

— Не стоит, я за ним не вернусь, — заявила она. — Можете его продать. Я знаю, за него можно много выручить.

— Нет, я совершенно точно не стану его продавать, ведь вы, возможно, еще захотите его вернуть, — повторил он. — Теперь обсудим ваше предстоящее путешествие. Мы почти у вокзала. Вы знаете, куда поедете? У вас есть друзья, которые могли бы вас встретить?

Она покачала головой.

— Поезда в Нью-Йорк отходят почти каждый час.

— О нет! — испуганно воскликнула она.

— И в Вашингтон примерно так же.

— Я бы не хотела ехать в Вашингтон, — выпалила она.

— Тогда в Питтсбург? Чикаго? — спросил он наугад.

— Чикаго подойдет, — с облегчением ответила

она. Экипаж остановился у большого здания вокзала. Вокруг горели яркие огни и толпились люди. Прогуливались взад-вперед полицейские, звенели трамваи, проносившиеся во всех направлениях. Девушка на миг спряталась в тенях кареты, будто боялась выходить на свет из своего темного укрытия. Ее спутник развеял ее сомнения.

— Не нервничайте, — тихо произнес он. — Я прослежу, чтобы вам никто не навредил. Заходите в вокзал спокойно, как моя спутница. Вы и есть моя спутница и давняя подруга, мы же с вами вместе только что побывали на званом приеме. Или, может, я провожаю вас домой с концерта. Никто не обратит на нас внимания. Шляпка и плащ — хороший камуфляж.

Он проводил ее в здание вокзала и отыскал зал ожидания для дам, где нашел тихий уголок и глубокое кресло-качалку. Он посадил ее так, чтобы она могла смотреть в высокое окно, откуда открывался вид на вечернюю улицу, однако от посторонних взглядов ее закрывала отделанная латунью и кожей стенка автомата для полировки дамской обуви.

Его не было пятнадцать минут, и все это время девушка тихо сидела в кресле, но прислушива-

лась к каждому звуку. Ее нервы были на пределе. В любой момент она ждала увидеть в толпе лицо человека, которого боялась встретить больше всего, или опасалась почувствовать на плече ладонь детектива и услышать, как тот спокойно произнесет: «Ступайте за мной».

Когда Данэм вернулся, она вздрогнула от неожиданности, и он догадался, что она очень напряжена и встревожена. Он вгляделся в ее миловидное личико под широкополой шляпой и заметил под глазами темные круги. Ему захотелось сделать что-то, что облегчило бы ее состояние; ему было невыносимо думать, что эта девушка осталась совсем одна, без друзей, и мучается от страха.

Подвинув стул, он сел рядом и заговорил о билете на поезд.

— Не забывайте, я целиком зависела от вашей милости, — она печально улыбнулась. — У меня не было иного выбора, кроме как позволить вам мне помочь.

В тот самый момент мальчик в голубой униформе поставил у ног Данэма кожаный чемодан и воскликнул:

— Мистер Данэм, вот вы где! Я вас обыскался. Вы же велели подойти к лифту!

— Да, — согласился юноша, — но я не думал, что ты успеешь так скоро. В любом случае, Харкнесс, ты меня нашел.

Мальчик взял протянутую ему серебряную монету, коснулся фуражки и убежал.

— Видите ли, — пояснил Данэм, — не дело юной девушке путешествовать без багажа. Я решил, что вашим преследователям так будет проще вас выследить. Поэтому я взял на себя вольность, позвонил в клуб и велел мальчику принести чемодан, который там вчера оставил. Точно не знаю, что в нем; я приказал слуге его собрать и прислать, так как думал, что пробуду в клубе всю ночь. Но потом поехал домой и забыл забрать чемодан. Скорее всего, вы не сможете приспособить ничего из моей одежды под женский костюм, но там должна быть щетка для волос, мыло и носовые платки. С чемоданом будет спокойнее; человек чувствует себя потерянным, если даже на одну ночь у него нет при себе ничего, кроме казенного полотенца. Вдобавок я решил, что так вы будете больше похожи на путешественницу и меньше — на беглянку.

Он попытался перевести все в шутку, но она очень серьезно взглянула на него.

— Думаю, это самый ваш добрый и заботливый

поступок, — ответила она. — Даже не знаю, как смогу вас отблагодарить!

— Не пытайтесь, — беспечно ответил он. — Объявляют посадку на ваш поезд. Пойдемте, я прослежу, чтобы вы устроились. Кажется, вы очень устали.

Она не стала возражать и поднялась, чтобы проследовать за ним, окинув зал ожидания быстрым испуганным взглядом. Подобострастный носильщик у дверей схватил чемодан и проводил их в вагон. Девушка очутилась в маленьком сидячем купе и вновь благодарно посмотрела на Данэма. Она была в купе одна, дверь запиралась на замок, и она смогла ненадолго забыть о страхе увидеть рядом человека, которого ей видеть совсем не хотелось.

— Проводник — мой старый знакомый, — объяснил юноша, когда по вагону прошел служащий. — Я много раз ездил с ним в этом же поезде. Присядьте. Я попрошу его присмотреть за вами и проследить, чтобы вас никто не побеспокоил.

Дородный проводник угрюмо взглянул поверх очков на миловидное личико под широкополой шляпой, а Трайон Данэм тем временем объяснил:

— Это моя знакомая. Пожалуйста, окружи ее

заботой. — В ответ проводник мрачно кивнул без тени улыбки, но этот жест ее вполне удовлетворил и успокоил. Потом юноша прошелся по вагону, поговорил с носильщиком и мальчиком-газетчиком, сделав все возможное, чтобы обеспечить приятную поездку той, с которой три часа назад еще не был знаком. При этом он думал, что сам не прочь бы на одну ночь стать проводником этого поезда. Ему почему-то очень не хотелось поручать кому-то другому присмотр за молодой женщиной, которая на несколько коротких часов оказалась на его попечении, а теперь он был вынужден с ней расстаться.

Вернувшись в купе, он обнаружил, что шторы на окне плотно задернуты, а девушка сидела, забившись в уголок, чтобы никто не мог увидеть ее из прохода, но она сама видела бы в зеркало любого, кто шел мимо. Она поприветствовала его улыбкой, но велела скорее выйти из вагона, чтобы он случайно не уехал с ней.

Он рассмеялся над ее страхами и сказал, что времени до отправления достаточно. Поезд вздрогнул, готовясь тронуться, но он не спешил уходить и задержался еще немного, сказав, чтобы она непременно прислала ему телеграмму, если будет нуждаться в помощи. Наконец он соскочил

на платформу, когда поезд уже двинулся с места.

Он тут же вспомнил, что не дал ей денег. Как он мог об этом забыть? К тому же поезд делал остановку на Северном вокзале, перед тем как выйти за черту города; значит, она все еще была в опасности. Почему он не остался с ней и не дождался, пока она проедет эту остановку? Потом он мог бы вернуться следующим поездом с маленького полустанка в паре миль впереди, попросив проводника замедлить ход и высадить его. Все эти соображения крутились у него в голове, пока мимо проносились вагоны. Вот подошел последний, и он отчаянно метнулся вперед и заскочил в поезд к ужасу стоявших на путях железнодорожников.

— Господи! — воскликнул один из служащих и покачал головой. — Малый считает себя бессмертным? Так и голову расшибить немудрено!

В дверях вагона показался проводник с фонарем. Он помог юноше подняться, отряхнул его и сурово отчитал. Не обращая внимания на эту суровую отповедь, юноша побежал по вагону, радуясь, что успел запрыгнуть в поезд, и чувствуя под ногами дрожащий пол.

Девушка сидела там, где он ее оставил, но подняла шторку на окне и испуганно вглядывалась

в проносившийся за окном мрак. Он тихонько коснулся ее плеча; она вскрикнула и обернулась.

— Я решила, что вас затащило под поезд! — потрясенно воскликнула она. — Он так мчался! А вы не успели сойти? И что теперь делать? Какая неприятность, и все из-за меня.

— Нет, я сошел, — прямо возразил он, сел напротив и поправил галстук. — Я спрыгнул с поезда, но понял, что не могу вас оставить, и заскочил обратно. У меня не получилось изящно это сделать, но вы должны меня простить. Я просто не мог вас бросить. Я не успокоюсь, пока мы не минуем Северный вокзал. К тому же я забыл дать вам денег.

— Но это ни к чему, — запротестовала она, и ее глаза красноречиво вспыхнули от чувств.

— Прошу, не говорите так, — горячо ответил он. — Я сойду позже и сяду на поезд, идущий в обратном направлении. Но на самом деле я просто не могу отпустить вас, не узнав о вас больше.

— О, — выпалила она. Ее губы побледнели, и она глубже забилась в угол.

— Не бойтесь, — ответил он, — я не стану вам досаждать. Не думайте так обо мне. Но вам не кажется, что я заслужил, чтобы ко мне проявили немного учтивости? Вы могли бы продиктовать

мне адрес или имя, чтобы я мог связаться с вами, если узнаю что-то, что имеет к вам отношение. Разумеется, вряд ли это случится, но… вы можете хотя бы сообщить, что с вами все в порядке.

— Я так и сделаю, обещаю, — искренне ответила она. — Во-первых, я должна вернуть вам вещи. — Она указала на шляпу и плащ. — Не то вам придется объяснять причину их отсутствия, — напомнила она.

Время пролетело быстро. Они проехали Северный вокзал и приближались к полустанку. Дальше до полуночи на маршруте остановок не было. Юноша понял, что должен сойти здесь.

— Я уже думаю, не доехать ли мне с вами до Чикаго и проследить, что вы в безопасности, — сказал он, внезапно осмелев. — Совсем не хочется оставлять вас одну.

— Не стоит, — с кротким достоинством ответила девушка. — Подумайте, что могут подумать люди, например ваша матушка, узнав, что я такое позволила? Так нельзя, вы сами знаете. Прошу, даже не говорите об этом больше.

— Но у меня такое чувство, что я должен о вас заботиться, — сказал он уже менее уверенно.

— Я не могу этого допустить, — твердо ответила она, доверчиво взглянула на него и улыбнулась.

— Но вы же обещаете, что сообщите, если вам что-то понадобится?

— Нет, боюсь, даже этого я никак не могу обещать, — ответила она. — Потому что, хотя вы поступили как хороший друг, я надеюсь, самое страшное позади и в помощи больше нет необходимости.

— Тогда прошу, возьмите хотя бы это, — он достал из кармана скромный, но красивый кожаный кошелек и переложил в него все деньги из карманов. — Я заметил, что у вас при себе нет кошелька, — продолжал он, — и купил этот в магазинчике на вокзале. Вы согласитесь принять мой подарок? У меня ваше кольцо, и когда вы решите его забрать, можете вернуть мне кошелек. Жаль, что не нашлось ничего лучше, но я выбрал самый красивый. Можете положить в него билет, и я оставил вам немного мелких денег. Не хочу, чтобы вы ехали совсем без гроша. Простите, что не могу дать больше: у меня осталось всего девять долларов и семьдесят пять центов. Как думаете, на первое время хватит? Если бы в такой поздний час в этой части города нашлась хоть одна контора, где можно было бы обналичить чек, я дал бы вам больше.

Нервно глядя на нее, он протянул ей кошелек.

Предложенная им сумма казалась смехотворно маленькой для путешествия, особенно если учесть, что эта девушка явно принадлежала к благородному классу. С другой стороны, друзья наверняка высмеяли бы его и назвали дураком, узнав, что он отдал такие деньги незнакомке, которая вполне могла оказаться мошенницей. И все же он позабыл об осторожности; новая знакомая пробудила в нем слишком большой интерес.

— Вы так добры! — сказала девушка. — И верно, мне некуда было положить билет и деньги! А эта сумма намного лучше, чем ничего; я бы даже сказала, это целое состояние, — она горько улыбнулась. — Вы точно не остались совсем без гроша? У вас есть деньги на обратную дорогу?

— У меня есть абонемент, — с довольной улыбкой ответил он. Он чувствовал себя несказанно счастливым, что она согласилась взять кошелек.

— Большое спасибо. Я как можно скорее постараюсь вернуть вам стоимость билета и деньги, — искренне пообещала она.

— Не думайте об этом, — возразил он. — У меня ваше кольцо. Оно стоит намного больше, чем все, что я вам дал.

— Да, но вы же сказали, что не станете его продавать, поэтому вы не получите денег, а я не хочу,

чтобы вы остались в проигрыше.

Он вдруг услышал свисток и увидел, что проводник ему машет.

— Вы так и не сказали, как вас зовут, — в отчаянии произнес он.

— Вы же сами дали мне имя, — с улыбкой ответила она. — Мэри Ремингтон.

— Но вас зовут по-другому.

— Можете звать меня Мэри, — ответила она. — А теперь поторопитесь! Не хочу, чтобы вы ушиблись, прыгая с поезда.

— Я ваш друг, вы же об этом не забудете?

— Нет, не забуду. Спасибо вам! Идите, скорее же!

Поезд замедлил ход. Он сошел и успел подойти к ее окну и помахать шляпой. Поезд скрылся в темноте, оставив за собой лишь два мерцающих огонька, похожих на удаляющиеся красные ягоды. Наконец и те исчезли за поворотом, и лишь эхо грохочущих колес повисло над холмами.

Глава 4

Данэм долго стоял и слушал, пока эхо не стихло, а потом на него накатило внезапное одиночество. Не верилось, что всего несколько часов назад он ничего не знал об этой незнакомке и ему не было до нее дела. А теперь она уехала, оставив после себя зияющую пустоту. Конечно, глупо было так думать; он просто разволновался, ведь с ним случилось что-то из ряда вон выходящее. Прежде его жизнь шла по накатанной и казалась почти скучной, а это загадочное и романтичное происшествие на время выбило его из колеи. Завтра он снова вернется к привычному степенному суще-

ствованию и даже, пожалуй, сочтет себя дураком за столь необычный интерес к случайной встречной. Но сейчас, когда они только что разлучились и он все еще видел перед собой ее прелестное лицо и невинный взгляд, все еще помнил о ее храбрости и страхе и слышал ее прекрасную игру, он не мог без сожаления вернуться к жизни, не предлагавшей разгадки ее тайны или надежды на новую встречу.

Дверь на станции оказалась закрыта, хотя, заглянув в окно, он увидел, что над письменным столом светит лампа. Внутри стучал телеграф. Служащий ушел за холмы доставлять важную телеграмму и запер дверь станции. Вид с ветреной платформы открывался безрадостный — на угрюмое болото, над которым звучал осенний лягушачий концерт. Время от времени жалобно стрекотал хриплый сверчок, спрятавшийся в трещинке на платформе, а на краю болота, у самого леса, ухала ушастая сова.

Спеша выйти из темноты на свет, Данэм подошел к ярко освещенному окну, возле которого лежала газета. В глаза бросился заголовок, напечатанный крупными буквами, — больше ничего он прочитать не смог, потому что газета лежала вверх ногами и текст заметки частично закрыва-

ли корешки счетов.

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ХОРОШЕНЬКОЙ ДЕВУШКИ

Его сердце замерло и вновь гулко и грозно застучало. Напрасно он пытался прочитать заметку, вглядываясь в слова и пытаясь определить дату и город, о котором шла речь, — треклятые корешки закрывали ему весь обзор. В голове промелькнула мысль, не разбить ли окно, но он вовремя спохватился: еще не хватало закончить день в убогой деревенской каталажке. Он попытался открыть окно и яростно подергал дверь, но безуспешно. Наконец он развернулся и примерно час ходил взад-вперед по шаткой деревянной платформе, пока не подъехал поезд. Сев в вагон, он заметил телеграфиста, бежавшего к поезду с зажженным фонарем на руке и стопкой писем. Он вручил письма проводнику, но поезд отправлялся, и у юноши не было времени просить у служащего газету. В его возмущенном уме крутился текст заголовка под досадный аккомпанемент совы, лягушек и сверчка. Его возмущало слово «хорошенькая». Как репортеру хватило наглости назвать этим словом милую, кроткую женщину?

Оно казалось таким поверхностным, таким унизительным, и... Но с чего он взял, что заголовок относился к его новой подруге? Нет, речь в нем наверняка шла о другом несчастном создании, о той, кого действительно можно было назвать хорошенькой — не красивой, а всего лишь хорошенькой.

На первой остановке сидевший впереди мужчина вышел и оставил газету. Данэм жадно потянулся и схватил ее, тщетно выискивая на страницах нужный заголовок. Он не нашелся, зато отыскался другой, не менее интересный. В газете сообщалось о таинственном исчезновении молодой актрисы, которую подозревали в отравлении мужа. В последний раз ее видели, когда она садилась на поезд в Вашингтон. Однако к месту назначения она не прибыла, и в данный момент о ее местонахождении ничего не было известно. Полиция предполагала, что она находится в Филадельфии или Балтиморе. В заметке также приводился ряд обличительных подробностей касательно ее отношений с покойным супругом и кратко описывалась ее скандальная жизнь. В конце упоминалось, что актриса превосходно играет на пианино.

Юноша нахмурился, открыл окно и выкинул

сенсационную газетенку. Он решил забыть о прочитанном, но заголовок стоял перед глазами.

Вернувшись в город, он подошел к газетному киоску на станции, где работал его знакомый продавец, и купил всех газет по одной. Он не пошел домой, а сел в уединенном уголке и стал их просматривать.

В глаза бросился заголовок в нью-йоркской газете:

> ОГРАБЛЕНИЕ ДОМА: ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЮНАЯ АВАНТЮРИСТКА ПЕРЕОДЕЛАСЬ ГОРНИЧНОЙ
> И ВЫНЕСЛА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ НА ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ

Он пробежал глазами заметку и выяснил, что воровка по-прежнему на свободе, хотя за ней охотится вся нью-йоркская полиция. При мысли об этом он поежился и даже испытал сочувствие ко всем преступникам и нарушителям закона. Подумать только, детективы повсюду высматривают хорошеньких молодых женщин, как раз когда его новая знакомая пытается от чего-то или кого-то скрыться!

Он раскрыл другую газету и увидел:

ИЗ ТЮРЕМНОЙ БОЛЬНИЦЫ СБЕЖАЛА КРАСОТКА-СУМАСШЕДШАЯ

Текст заметки гласил:

Тюремные стены не смогли сдержать мисс Нэнси Ли, которая на прошлой неделе запустила в мать горящей лампой, спалила дом, а потом пыталась покончить с собой. Кажется, молодая женщина очнулась от временного помутнения и теперь утверждает, что не знает ничего о случившемся. Однако врачи считают, что очередной приступ сумасшествия может настигнуть ее в любой момент, потому ей лучше оставаться взаперти. Она сбежала ночью, и о ее местонахождении ничего не известно. Как ей удалось открыть окно в тюремной больнице, остается загадкой.

Он с отвращением отшвырнул газету и взял другую.

ПРОПАЛА ЮНАЯ НАСЛЕДНИЦА! ПОЛИЦИЯ НЕ ИСКЛЮЧАЕТ ПОХИЩЕНИЕ

У него внутри все похолодело. Он поднял голову

и увидел небольшую компанию гуляк, спешащих на последний пригородный поезд. За девушками в изящных оперных накидках тянулся шлейф духов с апельсиновым цветом. Среди кавалеров он заметил своего друга. Данэм отчасти ему позавидовал, ведь ум того не был занят заботами. Да, он вернется в город не раньше трех утра, зато не будет думать об ограблениях, сбежавших помешанных и девушках, подвергающихся несправедливому преследованию.

Данэм застегнул пальто, поднял воротник и вышел на улицу. Похолодало, а от нервов он еще больше продрог. Но постепенно движение разогнало кровь, и ужасы, прочитанные в вечерних газетах, отошли на второй план. Вместо них он снова начал думать о приятном — об ужине у миссис Боуман, чудесной игре девушки, их совместном путешествии в карете и поезде и разговоре. В сердце затеплилась надежда, что ее неприятности закончатся, он сможет отыскать ее и узнать по-лучше.

Он уснул и проспал совсем недолго: рано утром его разбудил резкий стук в дверь. Он проснулся в смятении: ему снилось, что он едет в спальном вагоне, и он испугался, что не успеет одеться, но голос сестры вернул его в чувство.

— Трайон, ты готов спуститься к завтраку? Поспеши. Мне нужно с тобой посоветоваться. Дело очень важное.

По тону сестры он догадался, что лучше поторопиться, иначе можно заслужить ее неблагосклонность; он поспешно привел себя в порядок и спустился, обнаружив домашних в еле сдерживаемом волнении.

— Я ужасно встревожена, Трайон, — заявила его мать, — и хочу с тобой посоветоваться. Я всегда так доверяла Норе и не хочу обвинять ее беспочвенно, но в последнее время я недосчиталась нескольких вещей. Моя сумочка на золотой цепочке…

— Мама, ты же говорила, что забыла ее в клубе «Сенчури».

— Не прерывай, Корнелия. Разумеется, я могла забыть ее в клубе, но теперь вспоминаю, что вовсе не брала ее с собой. Но еще было кольцо с опалом. Оно, конечно, не представляет ценности, но воры всегда начинают с малого, а заканчивают большим!

— В чем дело, мама? Ты подозреваешь Нору в краже?

— Увы, Трайон, так и есть! А что бы ты сделал? Да, неприятно обвинять кого-то в воровстве. Во-

ровство само по себе неприятно. Мне почему-то казалось, что Нора на такое не способна.

— Что ж, значит, ничего не остается, кроме как предъявить ей обвинения. Но ты уверена, что вещи пропали? И о каких вещах речь? Кольцо, сумочка, а еще?

— Шляпка, — ответила Корнелия. — Шляпка за шестьдесят долларов. Я уже жалею, что не оставила ее: тогда эта воровка не осмелилась бы ее взять! Она была украшена двумя прелестными страусиными перьями, но мама сказала, что мне не идет. Хотела заказать цветную, а не черную. Я оставила шляпку в комнате и велела Норе встретить посыльного и передать ему коробку. И вот приходит посыльный, а шляпки нет! Нора утверждает, что, когда в последний раз заглядывала в комнату, она лежала там. Но это же абсурд; никто другой не мог ее взять, разве что Томпсон, а он служит у нас с незапамятных времен.

— Вздор! — вдруг воскликнул Трайон и бросил нож для резки фруктов на тарелку. Тот приземлился с громким дребезгом. Сестра подскочила от испуга. — Корнелия, мне стыдно за тебя. Как ты могла подумать, что бедная невинная девушка украла твою шляпку! Она не взяла бы и булавки, я в этом совершенно не сомневаюсь. Загляни ей в

глаза, и ты поймешь, что перед тобой совершенно честный человек! Девушки с такими голубыми глазами не лгут и не крадут.

— Неужели? — высокомерно отвечала Корнелия. — А я даже не замечала, что у нее голубые глаза. Что ж, посмотрим, что ты скажешь, когда я найду у нее шляпку.

— Корнелия, — прервал ее Трайон, чувствуя, что теряет самообладание, — не думай даже заикнуться о шляпке при этой бедной девушке. Я точно знаю, что она ее не брала. Твоя шляпка найдется, и что ты тогда скажешь?

— Но я везде ее искала, говорю же! — раздосадовано воскликнула сестра. — И теперь мне придется платить за шляпку, которую я даже не смогу надеть!

— Мама, умоляю, — искренне проговорил Трайон. — Не позволяй Корнелии обвинять служанку. Я не потерплю такой несправедливости в нашем доме. Шляпка скоро найдется, паниковать ни к чему. Клянусь, она найдется внезапно и так, будто и не терялась вовсе! В любом случае, если этого не случится, я готов заплатить за шляпку, лишь бы к бедной девушке не было претензий.

— Но Трайон, — возразила мать, — если она поступила нечестно, я не хочу, чтобы она продол-

жала у нас работать.

— Серьезно, мама? Она невинна, как младенец. Я в этом ни капли не сомневаюсь.

Миссис Данэм неохотно поднялась из-за стола.

— Что ж, пожалуй, можно отложить решение этой проблемы до поры до времени, — согласилась она и, посмотрев на небо, добавила: — Интересно, пойдет ли дождь. Сегодня встреча Общества взаимопомощи, и меня посылают в какое-то богом забытое место. Я заметила, что всякий раз, когда надо ехать за город, как назло идет дождь. — Она вышла в коридор и вернулась с озадаченным видом.

— Трайон, боюсь, ты ошибаешься, — сказала она. — Теперь и мой плащ пропал. Мой новый плащ! Я сама повесила его в шкаф в коридоре, когда вернулась из магазина! Нет, с этими кражами нужно что-то делать!

— Вот видишь! — сурово воскликнула Корнелия. — Давно пора что-то делать! Я сейчас же позвоню детективу!

— Корнелия, ты никому звонить не будешь, — возразил Трайон, не на шутку разнервничавшись. — Если шляпка и плащ не найдутся в течение двух недель, обещаю заплатить за них, но не позволю вам портить репутацию бедной

девушки. Мама, я настаиваю: не надо делать поспешных выводов. Я лично ручаюсь за честность Норы.

— Что ж, Трайон, если ты настаиваешь… — ответила мать с сомнением и тревогой.

— Мама, я очень этого хочу. И если вы обратитесь в полицию, сперва не посоветовавшись со мной, сочту это за личное оскорбление. Запомни, Корнелия, и не смей поступать по-своему! Девичья репутация стоит дороже шляпок и плащей, а мне точно известно, что Нора их не брала. — С этими словами он вышел из столовой и из дома, всем своим видом выражая разъяренное достоинство, к вящему удивлению матери и сестры, с которыми обычно был сама любезность. Они привыкли советоваться с ним по вопросам домашнего хозяйства чисто номинально, ведь он почти никогда не вмешивался. Сейчас же две женщины переглянулись в полном недоумении.

— Мама, — проговорила Корнелия, — ты же не думаешь, что он влюбился в Нору? Она же ирландка, рыжая и вся в веснушках! А Трайон всегда был очень привередлив.

— Корнелия! Как тебе такое в голову пришло! Он же Данэм. Данэмы не способны на такую низость и грубость!

Его миниатюрная чопорная мать, одетая по последней моде, в благородном гневе напоминала королеву.

— Но мама, в газетах сейчас пишут всякое. Разумеется, Трайон никогда не женится на такой девушке, но…

— Корнелия! — миссис Данэм чуть не перешла на крик. — Запрещаю тебе говорить на эту тему! Ума не приложу, откуда у тебя такие мысли.

— Боже, мама, я не имела в виду ничего такого. Я просто хочу вернуть свою шляпку. Мне всегда нравилось одеваться в черное. И не представляю, как еще объяснить поведение Трая, кроме как любовью к служанке.

Тем временем Трайон Данэм шел в контору в смятении. Вчерашние события приводили его во все большее замешательство. Теперь, при свете дня, ему уже казалось, что зря он связался с незнакомой женщиной, которая явно бежала от правосудия. Мало того, что он обманул своих близких друзей, представив ее своей подругой; он солгал сестре и матери. Ведь это он фактически украл их шляпку и плащ и потратил более пятидесяти долларов собственных денег. И что он получил взамен? Воспоминание о прелестном личике, красивое вымышленное имя — Мэри — и

кольцо с бриллиантом. В холодном утреннем свете даже это кольцо показалось ему безделицей, и он решил, что выставил себя полным дураком.

Кольцо! Его охватило бурлящее волнение; он сунул руку в карман жилета, куда торопливо положил кольцо перед выходом из комнаты. Это кольцо теперь служило единственным реальным доказательством существования загадочной незнакомки. Можно было бы узнать, сколько оно стоит, и наконец убедиться, что его обманули. Но нет, это несправедливо; ведь отец девушки мог внушить ей, что кольцо представляет ценность, а может, и его самого обманули, если он не разбирался в камнях.

Шагая по улице, Данэм разглядывал кольцо; его настолько увлек круговорот мыслей, что он забыл сесть на трамвай. Он надел кольцо на палец и подставил камень лучам утреннего солнца, которое светило высоко и ярко, несмотря на нависшие вдалеке дождевые тучи. Бриллиант засверкал на солнце; лучи глубоко проникали в прозрачный белый камень, и тот переливался миллионом восхитительных искр, сияя и отбрасывая блики, слепившие глаза. Это был камень необычайной красоты и чистоты, так что Трайон все же решил зайти в ювелирный магазин по до-

роге и убедиться в его подлинности. Там работал его друг; он хорошо разбирался в камнях. Ускорив шаг, он быстро дошел до нужного места.

Пожелав приятелю доброго утра, он протянул ему кольцо.

— Это кольцо моей подруги, — объяснил он, напустив на себя беспечный вид. — Я хочу убедиться в подлинности бриллианта и узнать, сколько он стоит.

Друг взял кольцо и склонился над любопытным инструментом, похожим на микроскоп. Через некоторое время он поднял голову; на его лице застыло почтительное выражение.

— Твоей подруге повезло: камень превосходный. Необычайно прозрачный, белый, великолепной огранки. Я бы сказал, он стоит по меньшей мере… — он задумался и назвал сумму, поразившую даже Данэма, который привык иметь дело с большими цифрами. Он забрал кольцо, испытывая нечто вроде благоговения. Где же его таинственная спутница взяла этот чудесный камень, который отдала ему в обмен на сущую безделицу? В смятении он продолжил путь в контору, замешательство его нарастало. Всевозможные подозрения роились в голове, но стоило ему подумать о таинственной незнакомке что-то

плохое, как он вспоминал ее честный взгляд, и все его сомнения развеивались. После того как битый час он безуспешно пытался сосредоточиться на работе, он наконец надел кольцо на мизинец и дал себе обещание носить его в доказательство своей веры в невиновность девушки — по крайней мере, пока у него не появится неоспоримых доказательств ее виновности в каком-либо преступлении. Он взял шляпу и вышел, решив принять приглашение судьи Блэкуэлла наведаться к нему в контору. Судья оказал ему сердечный прием, и они поговорили о делах. С предложением судьи сбылись самые заветные мечты Трайона, но он, выходя из здания, почему-то мог думать лишь о таинственной незнакомке, которая вчера исчезла из конторы, а не о своем везении в делах.

С судьей они почти ее не обсуждали. Он принес шляпку — красивую, бархатную, с изящными перьями, — перчатки, дорогую кожаную сумку и маленький платок с декоративной каймой. С расстроенным видом убирая их обратно на полку, он сообщил, что девушку так и не нашли. По пути в контору Трайон Данэм размышлял об этом удивительном совпадении, благодаря которому ему открылись два ключа к загадке. Он

не сомневался, что шляпка принадлежала его вчерашней спутнице.

Тем временем девушка, мчавшаяся на поезде в Чикаго, о Трайоне не забыла. Она бы не смогла при всем желании, ведь ее окружали напоминания. Кондуктор взял у нее билет и грубовато-добродушным тоном сообщил, когда они прибудут в город. Носильщик справился, удобно ли ей; мальчик принес новые журналы и коробку шоколадных конфет и положил возле нее с восхищенной улыбкой и словами: «Подарок джентльмена!» Чемодан лежал на сиденье напротив, ее лицо отражалось в оконном стекле, как в зеркале, и, глядя в чернильную темноту, она видела шляпку, которую он ей дал, а когда шевелилась, слышала шелковистый шорох плаща, напоминавшего о его доброте и предусмотрительности. Она откинула голову, закрыла глаза и на миг позволила своему усталому и измученному уму представить, как бы все сложилось, если бы мужчина, от которого она бежала, был таким же, как этот.

Она с некоторым сомнением открыла чемодан: ей казалось, что она вмешивается в чужую частную жизнь.

Внутри оказался фрак и смена белья, носовые

платки, галстуки, пара перчаток, аккуратно сложенная черная шляпа из мягкого фетра, большой черный шелковый шарф, банный халат, щетки, инкрустированные серебром, гребешки и прочие туалетные принадлежности. Она деловито просмотрела эти вещи, пытаясь понять, какие из них можно использовать. Сняв шляпку, накрыла ее шелковым шарфом, чтобы защитить от пыли. Сняла платье и надела мягкий халат, удивившись, что у нее не возникло никакого отторжения к тому, чтобы надеть чужую одежду. Отчего-то за время краткого знакомства с Трайоном он произвел на нее впечатление своей приятной щепетильностью, и она не испытывала брезгливости, используя его вещи, словно они принадлежали близкому другу. Она нажала на кнопку выключения электричества, и свет в маленьком купе погас. Она легла в темноте и стала думать о новой жизни, которую ей предстояло начать.

Глава 5

С той ужасной минуты, как она осознала угрозу и необходимость немедленно спасаться бегством, каждый миг был напитан ощущением опасности, нервы напряжены до предела, а вздохнуть полной грудью никак не получалось, будто она переживала все заново. Какой страх она испытала! И в каком беспомощном и безнадежном положении оказалась! Но в конце концов, поскольку неприятности настигли ее недавно, а ее тело и душа, хоть и измученные нервным напряжением, были молоды и здоровы, ей удалось погрузиться в глубокий сон, хотя она так и не

решила, что делать дальше.

Наконец она проснулась от ужасного кошмара, в котором ее преследователь протягивал к ней руки, а защитник стоял вдали, сокрытый мраком. Со странной настойчивостью, свойственной жертвам подобных снов, она начала снова и снова проигрывать в воображении содержание кошмара, лежа неподвижно, пока лицо и голос ее молодого защитника в темноте не показались почти настоящими. У нее возникло невыразимое желание вновь оказаться рядом с ним, чтобы его присутствие ее успокоило.

Наконец она отогнала навязчивые мысли и решила больше не спать, а подумать о будущем.

Она поняла, что прежде всего ей необходимо изменить внешность и стать как можно более непохожей на себя. Если новость о ее побеге с полным описанием разошлют повсюду, ее обязательно заметят, а этого нельзя было допустить. С этой целью, едва за окном занялось серое туманное утро, она встала и уложила волосы так, как никогда раньше не делала: разделила их на две косы и плотно обернула ими голову. Эта аккуратная укладка как нельзя лучше подходила для выбранного ей занятия и очень сильно изменила ее облик. Стянув в строгую прическу свои мягкие

пушистые локоны, она приобрела аскетичный и суровый вид, какой бывает у святых на старинных полотнах. Она подколола платье, чтобы оно не выглядывало из-под черного плаща, и обернула шею белым льняным платком, скрыв кружево и богатую отделку модного корсажа. Затем с сомнением уставилась на шляпу. Все девушки в первую очередь думают о шляпках, вот и она сразу подумала об этой взятой напрокат шляпе с огромными черными перьями. За окном заморосил мелкий дождь; стекло затуманилось, и она видела лишь мелькавшие снаружи смутные серые тени. Внезапно ее осенило: она открыла чемодан и достала сложенную фетровую черную шляпу, встряхнула ее и надела. Шляпа была мужская, но женщины тоже временами такие носили.

Оглядев себя в высоком зеркале в двери, она залилась удовлетворенным румянцем. Ее костюм казался вполне обычным и даже ей шел. Она выглядела как простая студентка или молодая секретарша, спешившая на работу.

Затем она с тревогой взглянула на другую шляпу. Как ее спрятать? У нее и в мыслях не было бросить ее: она хотела как можно скорее вернуть ее в целости и сохранности тому, кто ее

одолжил.

Она позвала мальчика, купила у него три толстых газеты, завернула в них шляпу и скрепила булавками. Сверток совсем не напоминал головной убор, но так было даже лучше. Она обложила перья скомканными газетами, чтобы те не потеряли форму, и завернула эту конструкцию в еще один слой газет. Она решила, что девушек, которые оборачивают косы вокруг головы и носят простые фетровые шляпы, часто можно увидеть с большими свертками из газетной бумаги.

Она также решила не надевать перчатки и убрала их в чемодан, сняла свои красивые кольца и спрятала их под корсаж.

Когда зашел носильщик и объявил, что в вагоне-ресторане ее ждет завтрак, он чуть не вздрогнул, увидев ее, но она ответила на этот взгляд, любезно сказав:

— Доброе утро. Я оделась на случай дождя.

— Да, мисс, — почтительно ответил носильщик. — Погодка та еще, как видите. А уж в Чикаго, поди, льет как из ведра, да еще и ветер с озера — не заметишь, как промокнешь.

Чтобы отделаться от учтивого носильщика, она пожертвовала одним из своих драгоценных двадцатипятицентовиков и быстро зашагала

по длинной платформе к зданию вокзала. Она планировала как можно скорее покинуть привокзальный район и влилась в людской поток, направлявшийся не в зал ожидания, а на шумную дождливую улицу. Те же соображения заставили ее сесть в трамвай, и вскоре она очутилась в районе крупных универмагов, как и рассчитывала. Она с облегчением узнала название одного из магазинов, известное на весь мир.

К счастью, она хорошо ориентировалась в универмагах и сразу направилась в шляпный отдел, где попросила упаковать шляпу с перьями и отправить на адрес, который продиктовал ей Данэм. Ее кроткий голос и красивый плащ выдавали в ней леди, и продавщицы отнеслись к ней с почтением и уважительным вниманием. Когда она уходила, у нее возникло странное чувство: она будто только что поговорила со своим другом и хранителем.

Отправка шляпы обошлась дешевле, чем она рассчитывала, и все же ее денежный запас почти истощился. Необходимо было купить платье и накидку, если она планировала и дальше оставаться незамеченной, но также надо было оставить денег на еду. Она понятия не имела, когда у нее появятся средства. Надо было экономить.

Конечно, она могла продать драгоценности, но это казалось рискованным: если за ней следили, по драгоценностям ее легко могли найти. Как же выживают бедные порядочные люди?

В отделе готового пальто и платья не нашлось ничего подходящего даже среди моделей, продававшихся со скидкой. Она бесцельно бродила между прилавков, потеряв всякую надежду. Чемодан казался нагруженным свинцом, и она поставила его на пол, чтобы отдохнули руки, а подняв голову, увидела над одним из прилавков табличку: «Льняные юбки: 75 центов и 1 доллар».

В ней затеплилась надежда. Она подошла и рассмотрела юбки. Те лежали стопками: синие, черные и коричневые. Ткань была грубая, сами юбки — строгие, без всякой отделки, и пошитые не по последней моде, но так ли это важно? Она выбрала черную юбку за семьдесят пять центов. Она привыкла считать деньги в долларах, а не в центах, и при мысли, что теперь ей нужно выбирать между юбкой за доллар и юбкой за семьдесят пять центов, ей стало себя жаль, но вместе с тем она испытала радость, что ей удалось купить хоть что-то за такие деньги. Она смутно припомнила, что читала о ночлежках за десять центов, куда

людей сгоняли, как скот.

Осмотрев ассортимент, она обнаружила, что за пятьдесят центов можно купить черную сатиновую блузку, а галоши и хлопчатобумажный зонтик — за полтора доллара. Она не забыла, что нужно отложить хотя бы доллар, чтобы отправить чемодан обратно экспресс-почтой.

Решение проблемы с верхней одеждой нашлось на прилавке, где по доллару распродавали шерстяные жакеты, жилеты с рисунком из ромбов и старомодные вязаные джемперы. Она выбрала джемпер, толстый и теплый, хоть и некрасивого сине-фиолетового цвета. Затем, прижимая к груди драгоценные свертки, спросила миловидную продавщицу, есть ли место, где можно переодеться в только что купленную юбку, чтобы ее светлое платье не запачкалось на грязной улице. Ее проводили в маленькую примерочную площадью не больше четырех квадратных футов, где стоял один стул и маленький столик. Эта крошечная комнатушка показалась бедной девушке дворцом; закрыв дверь на задвижку, она взглянула на голые окрашенные стенки кабинки, возвышавшиеся над ее головой примерно на фут, и всем сердцем пожелала, чтобы в огромном и враждебном мире у нее был хотя бы такой ма-

ленький, но собственный угол. Она быстро сняла дорогое платье с шелковой подкладкой и надела жесткую сатиновую блузку и черную юбку из грубого полотна. Оглядела свое отражение в зеркале и осталась довольна. Правда, наряду явно недоставало воротничка и пояса. Она отыскала в чемодане черный галстук и повязала его на талию, а потом, нахмурившись, нехотя оторвала полоску от тонкого носового платка с декоративной каймой и сделала из нее подобие воротника-стойки, обернув ей шею. Увиденное в зеркале потрясло ее и удивило. Платье, волосы, шляпка, опрятный строгий воротник — на нее смотрела незнакомка, молодая медсестра или старшая горничная. Лучшей маскировки было не придумать. Она надела сверху синий шерстяной джемпер; теперь даже близкие друзья ни за что бы ее не узнали. Свернув черный плащ, она сложила его в чемодан и с испугом поняла, что ей некуда деть собственное полотняное платье, разве что в хлипкий бумажный пакет, куда упаковали ее нехитрые покупки. Напрасно она пыталась сделать из платья компактный сверток; ничего не получалось. Она взглянула на чемодан. В нем осталось место для платья, но она планировала как можно скорее вернуть ми-

стеру Данэму его вещи. Можно было бы оставить платье в магазине, но имея его точное описание, ушлый детектив вполне мог его найти и выследить ее. Кроме того, ей было неловко оставлять свои вещи в общественных местах. Будь рядом мост, с которого можно было бы сбросить платье в темную реку, или большая печь, где оно сгорело бы за минуту… Но ничего подобного поблизости не было, а от платья необходимо было немедленно избавиться. До наступления темноты ее судьба должна была решиться. Она аккуратно сложила платье и убрала его в чемодан, накрыв сверху плащом.

В почтовом отделении она села за письменный стол и написала: «Я в безопасности и благодарю вас». Помедлила немного и в нервной спешке дописала «Мэри». Потом открыла чемодан и прикрепила записку на лацкан фрака. После отправки чемодана экспресс-почтой в кошельке осталось всего три доллара шестьдесят семь центов.

Она сомневалась, правильно ли поступила, отправив обратно свое платье, но что еще ей было делать? Если бы она купила коробку, пришлось бы взять ее с собой, а потом в ее отсутствие платье кто-то мог бы обнаружить это платье и

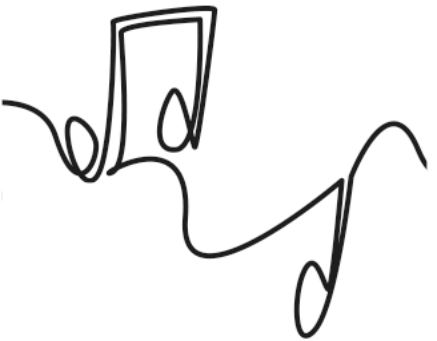
заподозрить ее. Как бы то ни было, жалеть было поздно, и она не сомневалась, что юный Данэм ее поймет. Она надеялась, что ему не причинит беспокойства необходимость избавиться от платья. Наверняка он сможет передать его какому-нибудь благотворительному обществу.

Еще в поезде, проснувшись в серый предутренний час, она спокойно взглянула в лицо своим неприятностям. Она не догадывалась, долго ли они продлятся; может быть, до конца ее дней. Она не знала, как себе помочь. Возможно, со временем у нее появится друг, который сможет это сделать, или неожиданно возникнет способ вернуть себе прежнюю жизнь, но пока ей необходимо было прятаться и обеспечивать себя самостоятельно. Она тщательно прикинула, что умеет делать. Первым делом на ум пришел музыкальный талант, но использовать его она не могла. Ее враг знал, что она одаренная пианистка, и по одной этой детали мог выследить ее мгновенно. Она вспомнила час, проведенный в гостях у миссис Боуман, и вздрогнула, осознав, что могла себя выдать; если бы ее враг случайно проходил мимо того дома, он мог бы заподозрить, что она внутри. Она бы никогда не осмелилась искать место аккомпаниатора, а найти учеников в незнако-

мом городе, где у нее не было рекомендаций, не представлялось возможным. Она умрет с голоду, прежде чем они появятся. Кроме того, так ее будет легче найти. То же самое произойдет, если она попытается устроиться учительницей или гувернанткой, хотя у нее имелись для этого все необходимые знания. Итак, она решила забыть о природных талантах, которыми в обычных обстоятельствах не преминула бы воспользоваться, и заняться чем-то совершенно другим, по крайней мере временно. Она поняла, что лучше всего было бы снять маленькую тихую комнатку и брать работу на дом, например заниматься шитьем или вышиванием, но и этот вариант казался неосуществимым без друзей. Единственным оставшимся вариантом было место служанки в доме; готовить она не умела, убирать тоже, но могла бы подавать к столу.

Ее сердце трепетало от страха, но она храбро поджала губы, зашла в аптеку и отыскала в справочнике адреса нескольких агентств по трудоустройству.

Глава 6

Когда в половине одиннадцатого она зашла в первое агентство из списка, рабочий день был уже в самом разгаре.

Она стояла на пороге, съежившись под оценивающими взглядами десятка женщин. Ее нежные чувствительные щеки покрылись румянцем. Когда хозяйка агентства начала ее расспрашивать, вся ее храбрость улетучилась.

— Вы ищете место? — У женщины был ястребиный нос и взгляд, совершенно лишенный

сострадания. — Какое? Домработницы?

— Я бы хотела прислуживать за столом, — тихо проговорила она. Ее голос звучал испуганно.

Ястребиный нос презрительно задрался.

— Лучше ищите место домработницы. Простых служанок и так слишком много.

— Я могла бы подавать к столу, но я никогда не убиралась в домах, — ответила она тоном благородной леди и тем самым разозлила женщину с ястребиным носом, которая привыкла пользоваться людьми и быть в курсе всего.

— Хорошо, дело ваше, но вы сами себе вредите. Давайте ваши рекомендации.

Девушка подготовилась к этому вопросу.

— Прошу прощения, я не могу предоставить рекомендации. Я жила только в одном доме, подавала к столу и следила за порядком в столовой, но три года назад семья моих хозяев переехала за границу, и я осталась без работы. Я могла бы показать вам письма хозяйки, если бы у меня был при себе чемодан, но он остался в другом городе, и я не знаю, когда смогу за ним послать.

— Без рекомендаций! — возопила женщина-ястреб и, повысив голос, хотя в этом совершенно не было необходимости, добавила: — Дамы, тут у нас девушка без рекомендаций! Кто-нибудь

хочет рискнуть и предложить ей место? — Она презрительно рассмеялась, будто предупреждая присутствующих женщин, что рисковать не стоит. — А еще эта девушка не желает выполнять работу по дому и требует, чтобы ей нашли место простой подавальщицы, — продолжала хозяйка.

— Мне нужна девушка, которая будет прислуживать за столом, — приглушенным шепотом проговорила другая женщина, с беспокойным лицом. — Но я не хочу брать на работу служанку без рекомендаций… Вдруг она окажется воровкой? И к тому же непохоже, чтобы эта девушка привыкла работать в домах вроде моего. Мне нужна опрятная служанка, одетая по моде. Ни одна уважающая себя девушка не выйдет на улицу в таком платье.

Все взгляды устремились на бедную девушку, которая стояла и дрожала, ощущая унижение. Ее щеки пылали, а глаза жгли слезы ужаса. Она гордо подняла свою изящную головку и с достоинством отвернулась.

— Если желаете попытать удачи, — сказала женщина-ястреб, — можете зарегистрироваться в приемной и оставить два доллара, и если найдете кого-нибудь, кто может дать вам рекомендации, мы их проверим. Но мы никогда ничего не обе-

щаем девушкам без рекомендаций.

Слезы подступали, и она почти не слышала последних слов, произнесенных неприязненным тоном. Она вылетела из конторы, и тут же вслед за ней украдкой выскользнули две женщины.

Одна была дородной, рыхлой и слишком броско одетой; на бледном лице поблескивали рыбьи глаза, лишенные всякой доброты и нравственного чувства. Она поспешила за девушкой и дотронулась до ее плеча, когда та уже вышла на лестницу, ведущую на улицу.

Другая была миниатюрная и кроткая, на ее лице читались нерешительность и беспокойство, а костюм был прошлогодний, с перешитыми рукавами. Увидев, кто вышел за девушкой, она остановилась в коридоре и притворилась, что поправляет тесьму на юбке, а сама стала подслушивать.

— Минутку, мисс, — сказала женщина в вульгарном платье. — Ничего страшного, что у вас нет рекомендаций. Не все так привередливы, знаете ли. Ступайте со мной; у меня вы сможете заработать намного больше, чем простая подавальщица. Вы не созданы для труда, по вам видно: такое личико и голосок! Я за вами следила. Вы похожи на леди. Вас бы приодеть, и вы станете

настоящей красавицей…

Говоря, она приближалась, и теперь подошла совсем близко, наклонилась к девушке и зашептала; кроткая женщина, которая уже смекнула, что перед ней за птица, не могла разобрать ее слов.

Но девушка внезапно отступила назад; ее глаза вспыхнули, в ней проснулась неожиданная резвость, и она стряхнула унизанную кольцами руку женщины, схватившую ее за плечо.

— Не смейте со мной говорить! — четко и громко ответила она. — И не смейте ко мне прикасаться! Вы — дурная женщина! Если снова тронете меня, я пойду и скажу всем этим леди, что вы меня оскорбили.

— Что ж, раз ты такая святоша, желаю умереть с голоду, — прошипела злодейка.

— Лучше десять тысяч раз умереть с голоду, чем принять помощь от вас, — выпалила девушка, и ее ясные испуганные глаза вперились в порочное лицо женщины. Та отвернулась и уползла, как положено изворотливой старой змее.

С горящими глазами и горделиво поднятой головой девушка бросилась вниз по лестнице. Миниатюрная дама с беспокойным лицом побежала за ней; она запыхалась, пытаясь ее нагнать, и всю дорогу думала, безопасно ли приглашать

в дом девушку без рекомендаций, которая, однако, только что проявила завидную твердость характера.

Через два квартала от агентства девушка остановилась, осознав, что бежит, не разбирая дороги. Она дрожала от страха и уже не знала, хватит ли ей храбрости пойти в другое агентство; воображение рисовало всевозможные ужасы.

Миниатюрная женщина тоже остановилась и, смерив девушку осторожным взглядом, окликнула ее:

— Я за вами следила.

Девушка нервно вздрогнула; по спине пробежал холодок. Могла ли эта леди быть детективом?

— Я слышала, что сказала вам эта ужасная женщина, и видела вашу реакцию. Вы, должно быть, порядочная девушка, иначе не стали бы с ней так разговаривать. Полагаю, я очень рискую, но удержаться не могу: мне кажется, вы хороший человек, и я попробую нанять вас на работу, если согласитесь делать всю работу по дому. Мне срочно кто-то нужен: завтра я устраиваю званый прием, а моя служанка сегодня уволилась.

Женщина говорила таким добродушным тоном, что измученная тревогами девушка даже прослезилась.

— Благодарю вас, — ответила она, смахивая слезы. — Я в этом городе впервые и никогда не оказывалась там, где у меня совсем нет друзей. Я бы хотела начать у вас работать, но не умею убираться и готовить… Я никогда не работала по дому и просто не знаю, как это делать.

— Неужели вы совсем не умеете готовить? Я могла бы кое-чему вас научить.

— Увы, совсем. За всю жизнь я даже яйцо не сварила.

— Как жаль! О чем же думала ваша матушка? Девочек нужно учить готовить, даже если они не рассчитывают работать на кухне.

— Моей матушки давно нет в живых. — Снова подступили слезы, но девушка попробовала улыбнуться. — Я могу помочь со званым ужином, — продолжала она. — Я умею накрывать на стол, собирать букеты и бонбоньерки, могу нарисовать красивые именные карточки — я делала это много раз! И я могу подавать к столу. Но приготовить не смогу даже устрицу.

— Именные карточки! — глаза женщины загорелись. Она так обрадовалась, будто ей показали новую звезду на небосводе. — Да, я хочу именные карточки! А они очень дорогие. Я могу позвать прачку, та поможет приготовить обед. Она непло-

хо стряпает, да и я могла бы вместе с ней все сделать; но она не сможет подавать на стол. А вы умеете составлять меню? Подскажете, что приготовить на первое, второе и третье, или вы в этом не разбираетесь? Видите ли, я жду особых гостей и хочу, чтобы все было в наилучшем виде. Я их не очень хорошо знаю… Мой муж ведет с ними дела, это он велел их пригласить, а Бетти ушла в самый неподходящий момент! — Женщина, сама того не заметив, начала говорить с незнакомой девушкой как с равной.

— Я хотела бы помочь, — ответила девушка, — но мне негде остановиться, и если я найду работу с проживанием, то не стану отказываться. Я приехала в город утром и мне негде ночевать.

На миг на лице женщины промелькнуло беспокойство, но необходимость найти служанку оказалась сильнее.

— Муж, конечно, решит, что я спятила, — вслух рассудила она, — но вы почему-то кажетесь мне достойной доверия. Вы могли бы остаться у меня сегодня и завтра, помочь со званым ужином и переночевать в комнате кухарки. Если мне понравится ваша работа, я напишу вам рекомендацию. Без рекомендации вы все равно ничего не найдете, по крайней мере через агентство.

Поработайте у меня пару дней, и она у вас будет. Я бы заплатила вам жалованье, но мне это не по карману: прачка возьмет с меня полтора доллара в день за помощь на кухне. Но вместо оплаты у вас будет стол, ночлег и рекомендация.

— Вы очень добры, — ответила девушка, — я с радостью соглашусь на ваше предложение.

— Когда вы придете? Можете пойти со мной сейчас или вам нужно забрать вещи?

— У меня нет вещей, кроме тех, что при мне, — честно ответила девушка. — И, возможно, вы решите, что я недостаточно хорошо одета для вашего ужина. У меня есть немного денег; я могла бы купить белый фартук. Мой чемодан далеко; я попала в отчаянную ситуацию и была вынуждена его оставить.

«Хм! Вероятно, ее замучила злая мачеха, — подумала добрая женщина. — Бедное дитя! Она не похожа на нищенку. Вот бы ее удержать и всему обучить; возможно, мне в руки попало сокровище. Но Джон может не согласиться. Пожалуй, не стану ничего ему говорить до конца званого приема».

А вслух она произнесла:

— О, в этом нет необходимости. У меня есть белый фартук, и я даже могу подарить его вам,

если вы хорошо сделаете свою работу. Мы повяжем вам голову косынкой с кружевной каймой, и вы будете выглядеть прелестно. Я бы предпочла, чтобы вы пошли со мной прямо сейчас: у меня дома ужасный беспорядок. Бетти ушла и даже не помыла посуду после завтрака. Посуду же вы мыть умеете?

— Могу попробовать, — рассмеялась девушка; абсурд ситуации, в которой она оказалась, затмил все остальные эмоции.

Они сели в трамвай и доехали до живописного пригорода. Женщина — ее звали миссис Харт — жила в непритязательном маленьком домике с поддельными восточными коврами и дешевой мебелью.

Они тут же взялись за работу и навели порядок на маленькой кухне, которую предыдущая служанка бросила в полной неразберихе. После обеда будущей подавальщице выдали коробку акварели, и та села разрисовывать именные карточки. Под ее умелой кистью на бумаге рождались изящные пейзажи, прелестные цветы и маленькие коричневые птички, а она тем временем рассуждала о своей странной судьбе.

На следующий вечер они изысканно сервировали стол, соорудив живописные букеты из тех

немногих цветов, что имелись в наличии. Во всем чувствовалась рука мастера. Миссис Харт недаром потратила немало времени, разглядывая картинки в модных журналах по декору: у нее развилось чутье, и в новой служанке она сразу признала девушку со вкусом.

Она с сожалением вздохнула, когда миссис Райнхарт, почетная гостья, похвалила расторопность и приятную наружность служанки.

— Да, — сияя от гордости, ответила миссис Харт, — эта девушка — настоящее сокровище. Жаль, что она не останется у нас работать.

— Она выходит замуж? Все хорошие служанки рано или поздно выходят замуж, — посочувствовала ей гостья.

— Нет, она просто не умеет готовить, а двух служанок в таком маленьком доме я держать не могу.

Гостья приосанилась.

— Только не говорите, что намерены упустить эту удивительную девушку! Жаль, что я только сейчас о ней узнала. Я три дня зря проторчала в агентствах. Есть ли шанс, что она согласится работать у меня?

Тут кроткая миссис Харт в который раз доказала свою доброту и принялась нахваливать

достоинства новой служанки. Вскоре миссис Райнхарт была готова нанять ее сию же минуту. «Мэри» вызвали в столовую поговорить с почетной гостьей, и та взяла ее на работу, пообещав платить четыре доллара в неделю, предоставить форму и один выходной: попеременно четверг и воскресенье.

Наутро мистер Харт дал девушке доллар и поблагодарил за помощь, добавив, что не мог отпустить ее совсем без оплаты.

Девушка вежливо поблагодарила джентльмена и с удивлением взяла деньги. Ее первый заработок! Мысль о самостоятельно заработанных деньгах казалась очень странной, ведь прежде ей все доставалось даром.

Она пошла в магазин и купила щетку для волос и еще несколько вещей первой необходимости, а также соломенную сумку, куда все это можно было сложить. С этой скромной сумкой она вошла в дом миссис Райнхарт и поднялась в крошечную комнатку с одним окном на четвертом этаже, где стояла кровать, стул, имелся умывальник и треснутое зеркало. Миссис Райнхарт планировала поселить служанку вместе с кухаркой, но девушка настояла на отдельной комнате, пусть даже самой маленькой, и хозяева решили выделить

ей этот крошечный чуланчик почти без мебели, который все равно не использовался. Девушка сняла фетровую шляпу и подумала, что бы сказал прежний владелец головного убора, увидев ее сейчас. Она бережно смахнула с фетра пылинку, будто извиняясь перед шляпой за скромную обстановку. Пригладила волосы, надела фартук, подаренный миссис Харт, и спустилась вниз выполнять свои новые обязанности служанки в респектабельном доме.

Глава 7

Через три дня Трайон Данэм явился на встречу в контору судьи Блэкуэлла. Когда они закончили обсуждать дела, судья с улыбкой произнес:

— Кстати, мы раскрыли загадку. Та девушка в безопасности. После вашего ухода она позвонила мне и прислала за шляпой горничную. Оказалось, пока она ждала, стоя у окна и глядя на улицу, внизу остановился автомобиль с ее друзьями. Он припарковался у соседнего дома. Девушка хотела поговорить с подругой и поспешила в лифт, надеясь ее застать. Лифтер отвез ее и тут же ушел

с дежурства; вот почему никто не знал, куда она делась. А на следующее утро она заболела и не смогла прийти. Девушка встретилась с друзьями, и те сказали, что едут на вокзал и пригласили их проводить, так как один из них уезжал из города. Ей одолжили плащ и шляпку с вуалью и пообещали отвезти обратно за документами и вещами, но поезд задержался, а когда они вернулись, контора была уже закрыта. А двое мужчин, которые о ней спрашивали, оказались ее братом и другом. Но, должен сказать, они произвели на меня не такое приятное впечатление, как она. И тем не менее тайна раскрыта, а моя жена здорово посмеялась надо мной за мои страхи.

Юноша растерялся; он не понимал, как такое возможно, ведь «Мэри», его знакомая, никак не могла вернуться за шляпкой. Покинув контору судьи, он поехал в клуб, чтобы спокойно обо всем подумать.

Обстановка дома была не ахти. За завтраком над столом будто повисла грозовая туча. Пришел счет от мадам Долар, и Корнелия многозначительно положила его брату на тарелку. Мать заметила, что неплохо бы ей обзавестись новым плащом, иначе грянет дождь, а она будет не готова. При этом она смерила его красноречивым

взглядом.

С того утра, как обнаружилась пропажа шляпы и плаща, мать и сестра держались с ним подчеркнуто прохладно. А может, все началось вечером того дня, когда они заметили у него на пальце красивое кольцо? Они восторгались сверкающим бриллиантом, его редкой чистотой и яркостью, но, когда он отказался снять кольцо и не разрешил Корнелии получше его разглядеть, та была очень недовольна. На вопрос матери, откуда кольцо, он ответил, что оно принадлежит его другу. Мать наверняка обиделась, что он не рассказал подробнее, но это было невозможно. Конечно, можно было снять кольцо во избежание расспросов, но для него оно символизировало преданность и доверие той, кого ему поручила оберегать сама судьба. В клуб он прибыл в глубоком замешательстве и удалился в укромный уголок, чтобы поразмышлять. Но, к его досаде, рядом возник слуга и сказал, что в конторе его ждут посылки.

— Принеси их сюда, Генри, — велел Трайон.

Мальчик убежал и вскоре вернулся с тяжелым кожаным чемоданом и двумя шляпными коробками. Одна была дополнительно упакована в ящик.

Данэм вздрогнул от удивления и выпрямился в удобном кресле.

— Генри, нельзя, чтобы кто-то увидел эти вещи, — он встревоженно огляделся и, к своему облегчению, увидел, что в зале не было никого, кроме одного пожилого джентльмена, да и тот спал. — Давай поднимемся в кабинет. Отнеси эти вещи к лифту; я скоро буду.

— Хорошо, сэр.

— И можешь достать коробку из ящика. Так будет легче.

— Слушаюсь, сэр. Мигом управлюсь.

Мальчик поспешил к лифту, и они вместе поднялись в кабинет. Трайон дал Генри щедрые чаевые, и тот его оставил спокойно осмотреть вещи.

Пока он возился с веревочкой на первой коробке, его сердце бешено колотилось, и он почувствовал, как кровь прилила к щекам. Неужели сейчас раскроется тайна, окружавшая девушку, к которой он испытывал столь глубокий интерес, что не мог забыть о ней ни на минуту?

Но коробка, набитая скомканной папиросной бумагой, оказалась пуста. Он в замешательстве перевернул крышку и увидел на ней свое имя, написанное его собственной рукой. А потом

вспомнил. Он сам велел кэбмену отправить эту коробку в клуб, чтобы она не путалась под ногами. Его охватило разочарование, он поспешно взял другую коробку и разрезал веревку. В этот раз он не разочаровался: внутри оказалась широкополая черная шляпа, красивая и ни капли не пострадавшая, хотя ей пришлось проделать долгий путь из самого Чикаго. Итак, он был спасен, как и репутация служанки Норы. Но неужели прекрасная незнакомка не оставила ему даже записки? Он поискал среди скомканных газет, довольно бесцеремонно выдернув шляпу из коробки, даже перевернул ее вверх ногами и вытряхнул, но ничего не обнаружил. Затем он открыл чемодан. Сверху лежал плащ его матери. Он торжествующе достал его; теперь матери не в чем было его упрекнуть, но главное — он убедился, что незнакомке можно доверять. Он правильно сделал, что поверил ей. Он принялся перебирать вещи; ему стало любопытно, какими из них она пользовалась.

Он заметил приставший к воротнику халата длинный золотисто-каштановый волос, блеснувший, когда на него случайно попал солнечный луч. Он взглянул на него с благоговением и бережно отложил халат, чтобы не потревожить

находку. Достал фрак, увидел на лацкане маленькую записку и взволнованно ее развернул. Наверняка в ней все сказано!

Но нет, в записке лишь говорилось, что она прибыла в Чикаго в целости и сохранности. Она благодарила его за помощь и подписалась «Мэри». Она сказала, что он может называть ее так; что, если ее на самом деле так звали и она доверила ему хотя бы эту маленькую правду о себе?

Он вгляделся в ее тонкий почерк, решив, что он очень ей подходит, затем убрал записку во внутренний карман и задумчиво продолжил разбирать вещи. Тогда-то он и наткнулся на шелковистую ткань ее платья, отпрянув почти в благоговейном ужасе, будто ненароком коснулся святыни. Он смотрел на платье с удивлением и восторгом, затем аккуратно достал его из чемодана и расправил на коленях. Ее платье! То самое, что было на ней на званом приеме! Но что это значит? Почему платье в чемодане и где она сама?

Он расстелил перед собой платье и взглянул на него так, будто оно еще хранило следы ее присутствия. Любопытно и бережно коснулся кружева и изящной отделки корсажа, будто просил платье рассказать историю о той, которая его носила.

Зачем же она его прислала? Может, хотела

таким образом что-то ему сообщить? Он обыскал весь чемодан, но больше ничего не нашел. Значило ли это, что она оказалась в безопасном месте и это платье больше ей не нужно? Но зачем в таком случае отправлять вещь ему? Может, она была в отчаянии и… Нет, он не верил, что она способна на такое.

Однако постепенно, как и было задумано, платье рассказало свою историю: он догадался, что ей пришлось маскироваться и она не нашла лучшего способа спрятать свою прежнюю одежду. Ему стало очень приятно, что она доверила платье ему. Но если она переоделась в другой костюм ради маскировки, значит, ей по-прежнему грозила опасность! Ну почему она совсем ничего о себе не сообщила? В тревожном замешательстве он подпер голову рукой.

До него донесся едва уловимый запах фиалок. Он нежно коснулся платья и, смущаясь, прижался к нему щекой и вдохнул аромат. Но тут же отпрянул, чувствуя себя дураком, и напомнил себе, что девушка по-прежнему остается для него чужой и, возможно, даже обручена с другим.

Потом он снова вспомнил историю, которую рассказал ему судья, и убежденность судьи, что девушка, приходившая к нему в контору, и гостья

на приеме у миссис Боуман очень похожи. Возможно ли это? Может, попытаться найти другую девушку и попросить кого-нибудь их представить? Он решил подробнее расспросить судью при следующей встрече, а тем временем ждать и надеяться, что Мэри пришлет весточку. Он не сомневался, что она ему напишет, хотя бы для того, чтобы вернуть кольцо; а раз она так скоро вернула ему шляпку и плащ, значит, поторопится и отдать долг. Он надеялся, что она свяжется с ним хотя бы с этой целью. Надо было только набраться терпения.

А пока ему предстояло вернуть шляпу сестры и плащ матери на место так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Трайон вздохнул, аккуратно сложил платье, завернул его в папиросную бумагу из пустой шляпной картонки и убрал в чемодан. Затем переложил шляпу в коробку, где она изначально и находилась, позвонил в колокольчик и велел мальчику присмотреть за коробкой и чемоданом до дальнейших распоряжений.

Во второй половине дня ему пришлось зайти к судье по небольшому делу, и перед уходом он спросил:

— Кстати, судья, а кем оказалась та молодая

женщина, что так напугала вас своим исчезновением? Вы так и не сказали, как ее зовут. Я ее не знаю?

— О, ее зовут Мэри Уэстон, — с улыбкой ответил судья. — Не думаю, что вы знакомы: она из Калифорнии и находилась здесь проездом. На следующий день она отплыла в Европу.

Итак, дело было закрыто, но Трайон лишь сильнее запутался. Он нарочно не поехал домой, попросив клерка позвонить и предупредить мать и сестру, что он уехал за город, вернется поздно и к ужину его ждать не надо. На самом деле, он не хотел, чтобы домашние расспрашивали его о пропавшей шляпе и плаще. Затем он сел на троллейбус и проехал двадцать миль до пригорода и обратно: ведь он сказал матери и сестре, что уехал за город. Всю дорогу он размышлял над загадкой прекрасной незнакомки и наконец решил, что с его стороны было сущим безумием отпустить ее одну и практически без гроша. Он догадался, что она неспроста прислала ему платье: она боялась, что ее раскроют, и, видимо, сочла необходимым поменять гардероб. Но как ей это удалось, ведь он дал ей всего девять долларов семьдесят пять центов? Теперь он жалел, что не смог обналичить чек и оставить ей больше денег.

Ситуация поистине ужасала. Да, у нее имелись кольца, вероятно очень ценные, но осмелится ли она их продать? Возможно, нашелся кто-то, кто ей помогает. Но, к его удивлению, такая мысль показалась ему неприятной. Долгая поездка в холодном троллейбусе окончательно убедила его в том, что больше всего на свете ему хочется снова отыскать свою случайную подопечную и продолжать о ней заботиться.

Разумеется, всю дорогу от конечной до конечной он пытался себя урезонить, называя дураком, но это нисколько на него не повлияло. За благоразумными аргументами таилась радость, что он встретил эту девушку, и решимость найти ее снова и раскрыть ее тайну. Он долго и серьезно разглядывал красивый белый бриллиант, который она отдала ему на хранение, будто в камне крылся ответ, где можно ее найти.

Едва пробило полночь, как он вернулся в клуб, взял чемодан и шляпную коробку, поймал кэб и отправился домой. Он попросил высадить его на углу, чтобы не разбудить мать и сестру.

Бесшумно открыв дверь своим ключом, он на цыпочках поднялся к себе. В комнате горел тусклый свет. Он спрятал шляпную коробку в дальний угол шкафа, достал плащ и, сняв обувь,

тихо спустился в коридор.

В полной темноте он порылся в шкафу и наконец спрятал плащ под другим длинным плащом, висевшем на крючке, отпустил петлю, и плащ упал на пол в самом темном и дальнем углу, где его совершенно невозможно было увидеть. Затем он поднялся наверх с виноватым видом непослушного мальчишки, укравшего кусок сахара.

Вернувшись в комнату, Трайон включил свет, достал шляпную коробку и внимательно ее осмотрел. Он пока не решил, как поступить с шляпой. Куда ее подкинуть, чтобы ее нашли, но не заподозрили служанку? Может, шляпу тоже спрятать в шкафу в коридоре среди плащей? Нет, если шляпу и плащ найдут рядом, возникнут подозрения. Может, оставить шляпу в своем шкафу и заявить, что он нашел ее там? Нет, это приведет к неприятным вопросам, и подозрение снова падет на слуг. Ах, если бы можно было вернуть шляпу туда, где он ее взял! Но Корнелия, естественно, заметила, что шляпа пропала и целую неделю ее не было в комнате. Лучше подождать, пока все уйдут из дома, и спрятать ее в шкафу Корнелии: якобы она сама убрала ее туда по ошибке и забыла. Объяснение, конечно, так себе, но ничего лучше он придумать не смог.

Он достал шляпу и взвесил ее на руке, осмотрел со всех сторон и попытался вспомнить, как девушка смотрела на него из-под мягких перьев. Затем со вздохом бережно убрал шляпу в коробку и лег спать.

Утром его мысли прояснились, и, когда по коридору разнесся звон колокольчика, зовущего к завтраку, он не колеблясь взял коробку и спустился в столовую, где вручил шляпу ошеломленной сестре.

— Боюсь, преступник я, Корнелия, — любезнейшим тоном произнес он. — Прости, но я не могу объяснить, как шляпа оказалась на полке моего шкафа. Должно быть, возникла путаница и я сам ее туда положил. Жаль, что я нашел ее только сейчас; ты столько из-за нее беспокоилась. Зато теперь у тебя на одну шляпу больше: вчера я оплатил счет. Прошу, прими ее в компенсацию.

В ответ Корнелия восторженно воскликнула:

— Но Трайон, как она попала к тебе в шкаф? Это невозможно. Шляпа была в моей комнате, я точно знаю, ведь перед уходом я давала указания Норе! Как это объяснить?

— Я даже не буду пытаться это объяснить, — беспечно отмахнулся он. — На прошлой неделе я был так занят делами, что мог сделать любую

глупость. Кстати, мама, ты, наверно, обрадуешься: судья Блэкуэлл сделал мне щедрое деловое предложение, и я решил его принять.

Новость встретили радостными возгласами, и о шляпе ненадолго забыли, а когда мать и сестра наконец вспомнили о ней и начали обсуждать, как она могла оказаться в шкафу у Трайона, тот прервал их размышления.

— Мама, советую тебе внимательно поискать плащ. Мне почему-то кажется, что ты просто его не заметила. Бывает. В то утро, когда Корнелия объявила о пропаже шляпы, мы так разволновались, что даже не поискали толком.

— Но Трайон, это невозможно, — с достоинством ответила миссис Данэм. — Я перерыла этот шкаф вдоль и поперек.

— Тем не менее, мама, прошу, посмотри еще раз. В шкафу темно. Советую поискать с фонариком.

— Конечно, если хочешь, — чопорно ответила мать, — можешь и сам поискать.

— Увы, сейчас мне некогда, — трусливо ответил Трайон. — Но ты тоже посмотри в своем шкафу, мама. Наверняка плащ найдется. Не мог же он сам уйти из дома, а наша Нора не воровка, я точно знаю. Обвинять ее — полный абсурд. Прошу, поищи как следует. До свидания; мне пора в город,

и я не знаю, когда сегодня вернусь. Если найдешь плащ, позвони в контору, а если не найдешь, я сегодня же куплю тебе новый.

— Я его не найду, — сурово ответила мать, — но, конечно, поищу, раз тебе угодно. Хотя знаю, что в доме его нет.

Трайон поспешно откланялся: он не хотел присутствовать дома в момент, когда плащ найдется.

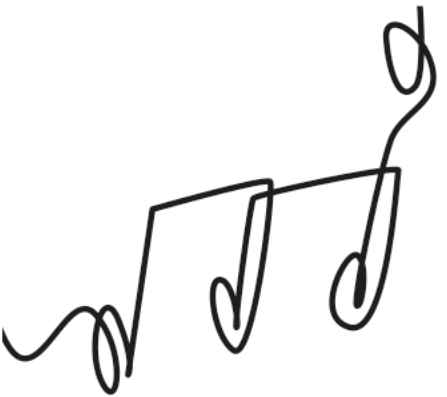
— Что-то тут не так, — проговорила миссис Данэм, с видом оскорбленного достоинства высунувшись из шкафа в коридоре с потерянным плащом на вытянутой руке. — Может, твой братец решил нас разыграть, как думаешь, Корни? Я никогда не понимала шуток.

— Не говори глупости, — фыркнула практичная Корнелия. — Я думаю так: Норе все известно, а Трайон просто ей помогает.

— На что ты намекаешь, Корнелия? По-твоему, твой брат пытался нас обмануть? Родную мать и сестру?

— Я этого не говорила, — ответила Корнелия, вздернув подбородок. — Плащ тебе вернули, но советую внимательно следить за другими вещами. Лично я не намерена больше пускать Нору в свою комнату.

Глава 8

Тем временем для девушки в Чикаго началась новая трудная жизни. В этом испытании ей пригодился дисциплинированный ум, тонкий художественный вкус, хрупкое, но здоровое тело и руки, которые хоть и были неумелыми, но не боялись труда. К своему удивлению, она обнаружила, что ей не хватает сил на выполнение работы, которую она когда-то беспечно приказывала выполнять другим. Как она ни пыталась, ей

не давалась стирка и глажка столовых салфеток и изящных вышитых льняных скатертей. Сила воли способна на многое, но отнюдь не всегда может компенсировать отсутствие навыка. Девушка, изучавшая сложные предметы в колледже и поражавшая талантом великих европейских музыкантов, вдруг обнаружила, что не может как следует вымыть окно. Результат не нравился даже ей самой, а хозяйке — тем более. Вдобавок она удивилась, что вообще должна выполнять эту работу. Но она легко умела приспосабливаться и благоразумно рассудила, что если добьется успеха на новом поприще, то уже никогда не пропадет в чрезвычайной ситуации.

Тем не менее, когда прошло несколько недель, заполненных утомительным трудом, она обнаружила, что, хотя ее мастерство сервировки стола и прислуживания за обедами и ужинами высоко ценилось, оно не могло компенсировать полного неумения в остальных домашних делах, и по взаимному согласию они с миссис Райнхарт решили разойтись.

На этот раз она получила рекомендации и с легкостью нашла новое место. Постепенно, поработав в нескольких домах, она осмелела и начала предъявлять некоторые встречные требования, и

в результате оказалась в доме, где ее способности ценили и не требовали делать работу, которая получалась у нее откровенно плохо. Она освоилась в новой жизни, перестала опасаться слежки и не боялась выходить на улицу. Но по вечерам, поднимаясь в свою убогую комнатушку, ложась на жесткую кушетку и укрываясь тонким одеялом, она содрогалась при мысли, что теперь ей вечно предстоит влачить столь жалкое существование. Она была обречена крутиться в колесе, из которого не было выхода, и в ее жизни не было никого, кто знал бы ее и любил.

К тому же в любой момент враг мог ее выследить.

Потом приехал хозяйский сын, которого с позором выгнали из колледжа, и начал донимать ее любовными притязаниями. Наконец ее положение стало отчаянным; она боялась снова что-то менять, ведь работать в этом доме было легче, чем в других, да и платили больше, но с каждым днем она все больше убеждалась, что не в силах больше терпеть приставания юноши. Другие слуги относились к ней не просто недружелюбно, а откровенно ей завидовали и презирали за благородные манеры, красивую речь, изящество и преданность хозяйке, выделившей ей отдельную

комнату.

Иногда, лежа в холоде и темноте, она вспоминала юношу, который ей помог; он обещал оставаться ей другом и просил сообщить, если понадобится помощь. Изголодавшемуся сердцу отчаянно не хватало сочувствия и доброго совета. Ей снилось, как он несется к ней по бескрайним равнинам и торопится ее утешить, но она всегда просыпалась прежде, чем ему удавалось добраться до места.

Глава 9

Примерно в то же время юридической фирме «Блэкуэлл, Гановер и Данэм» поручили сложное дело, для которого необходимо было опросить свидетелей в Чикаго и окрестностях. Младший партнер охотно взял эту работу на себя, и судья Блэкуэлл с радостью согласился.

Войдя в спальный вагон и поставив на нижнюю полку чемодан, Трайон Данэм вспомнил вечер, когда он ехал в том же поезде со своей спутницей, которая в последнее время постоянно занимала его мысли. Он понял, что не успокоится и не сможет вернуться к нормальной жизни, пока не

найдет ее и не узнает ее тайну. Если окажется, что она в безопасности среди друзей, он, вероятно, сможет о ней забыть, но при мысли о ней биение его сердца всегда ускорялось, и он знал, что, если понадобится, он придет ей на помощь, даже если придется рисковать жизнью.

Всю дорогу он планировал, как будет ее искать, пока не осознал, что отправился в Чикаго именно за этим, хотя знал, что такой настрой не помешает ему добросовестно и тщательно опросить свидетелей.

Прибыв в Чикаго, он поместил несколько объявлений в ежедневные газеты, решив, что это безопасный способ связаться с девушкой, не вызвав подозрения ее врагов.

> Если М. Р. в данный момент находится в Чикаго, просьба связаться с Т. Данэмом. Это важно.
>
> Друг миссис Боуман хочет поговорить с леди, которая ужинала с ней 8 октября. Просьба связаться с ней по адресу: Т. Д., а/я 7, редакция газеты «Интер-Оушен».
>
> «Мэри», сообщите, где и когда можно поговорить с вами о важном деле. Трайон Д. Писать в редакцию «Рекорд-Геральд».

Эти и еще несколько объявлений появились в различных газетах, но вскоре ему стали приходить сообщения от разных несчастных девушек, и все до единой требовали денег. Он понял, что погоня за многочисленными «Мэри» и «М. Р.» не увенчается успехом и перестал давать объявления в газеты. Он решил пойти по другому пути: провести систематический поиск среди учителей музыки и музыкантов, ведь ему казалось, что, оставшись без средств к существованию, «Мэри» станет зарабатывать именно таким путем.

В ходе своих изысканий он встретил немало бедных женщин, и его сердце дрогнуло от того, сколько горя и несчастья выпадает на человеческую долю, хотя в своей прежней устроенной и счастливой жизни он никогда об этом не задумывался. Даже в ходе краткого знакомства ему удавалось помочь беднягам и укрепить их дух. Но, глядя на все мытарства этих женщин, он все время думал, что могло случиться с его «Мэри». Он понял, что всякий раз при виде лица молодой женщины, вконец измученной нищетой, он боялся, что *она* находится в столь же бедственном положении. День ото дня его преследовали подобные мысли, и постепенно он поверил, что ему самой судьбой предначертано найти ее и позабо-

титься о ней. Ее лицо было слишком невинным и прелестным для такой тяжелой доли. Мысли о ней отягощали его сердце целыми днями, пока он опрашивал свидетелей, постепенно подбирая ключи к запутанному делу, которое и привело его в Чикаго.

Данэм выделил для работы определенные часы и в это время трудился с удвоенным рвением, чтобы скорее заняться своим вторым, личным делом. Когда он наконец опросил всех свидетелей и настало время возвращаться, он решил задержаться еще на день, потом на другой, почти с лихорадочной активностью разыскивая подругу, имени которой даже не знал.

Вечером третьего дня он с тяжелым сердцем возвращался в гостиницу, где остановился. Увы, наконец ему пришлось признать, что его поиски оказались напрасными.

Почти у самой гостиницы он встретил коллегу, который тепло его поприветствовал: фирма судьи Блэкуэлла пользовалась уважением у юристов во всей округе.

— Кого я вижу! — воскликнул знакомый, который был на несколько лет его старше. — Неужели это вы, Данэм? Я думал, вы уехали два дня назад. Поужинаете со мной? Есть одно дело, которое я

хотел бы обсудить до вашего отъезда. Повезло, что я вас встретил.

Данэм был рад любой возможности задержаться в Чикаго и принял приглашение. Дверь кэба открылась, и он увидел красивый дом, куда его коллегу позвали на ужин; в этот момент мимо медленно прошли двое мужчин, которые двигались, как тени, и он услышал обрывок фразы, произнесенной с сильным ирландским акцентом:

— Мэри, говорите? Будет сделано, сэр. Я ее выслежу, сэр.

Трайон Данэм обернулся и заметил, что один мужчина передал другому серебряную монету. Он был худощав и одет по последней моде; свет из окна соседнего дома упал на его лицо, и Трайон увидел, что мужчина смугл и красив. Его спутник был небольшого роста и отличался крепким телосложением; на нем был потрепанный длиннополый сюртук, пузырившийся на плечах и локтях. Поверх туфель он носил галоши, и его шаги звучали как поступь крупной собаки. Мужчины скрылись за углом, а Данэм и его коллега зашли в дом.

Их усадили за прекрасно сервированный стол и подали изысканный ужин. Беседовали о прият-

ном, как и положено в хороших домах, но Трайона обуяло беспокойство, и он все время вспоминал фразу, услышанную на улице: «Мэри, говорите?»

А потом он внезапно поднял взгляд и увидел ее.

Она стояла за стулом хозяйки со спокойным внимательным видом, но взгляд то и дело бессознательно падал на гостя, пока тот не поднял голову и не посмотрел на нее.

Она тут же отвернулась, но покраснела, поняв, что он ее заметил.

Его потряс ее вид. Ему бы никогда не пришло в голову искать ее среди прислуги, и поначалу он заметил лишь смутное сходство со своей Мэри. Но украдкой понаблюдав за ней, поразился сходству.

Она больше на него не смотрела, но он заметил, что она залилась краской и опустила длинные ресницы, будто пыталась спрятать глаза. Она проворно сновала туда-сюда, молча выполняя свою работу, приносила и уносила блюда, подливала в бокалы ледяную воду и мгновенно угадывала желания гостей. Всякий раз, когда она выходила из комнаты, он пытался убедить себя, что это не она, но с лихорадочным нетерпением ждал ее возвращения, чтобы вновь убедиться, что это все-таки

она. Когда хозяйский сын фамильярно обратился к ней и произнес: «Мэри, налей воды», Данэма охватила беспомощная ярость, и он невольно нахмурился. А потом поразился, что ее тоже звали Мэри. И мужчины на улице упомянули имя Мэри. Что, если враг девушки ее выследил? Может, он, Данэм, явился в самый подходящий момент, чтобы ее спасти? Мысли о ней так увлекли его, что он почти не слышал, о чем его спрашивали, и отвечал рассеянно и односложно. Наконец он прервал разговор.

— Простите, но я вынужден вас прервать. Я вспомнил, что у меня есть неотложное дело. Не могла бы ваша служанка позвонить кое-кому и передать от меня сообщение? Это надо сделать прямо сейчас.

— Разумеется, — встревоженно сказала хозяйка. — Может, вы сами хотите позвонить? Или все-таки позвать служанку? Чувствуйте себя как дома.

Молодой человек достал из кармана карточку, написал на ней пару строк и отдал служанке, которая молча встала за спинкой его стула, услышав о его просьбе.

— Пожалуйста, позвоните по этому номеру и продиктуйте это сообщение. Мой друг поймет, о

чем речь. Потом запишите его ответ.

Он протянул ей карандаш, вернулся к десерту и с облегчением проговорил:

— Спасибо. Простите, что прервал. Прошу, продолжайте рассказ. — Он сделал вид, что внимательно слушает хозяйку и ест мороженое, но на самом деле прислушивался к щелчкам телефона в соседней комнате и тихому нежному голосу. Последовала секундная пауза, и он поразился, с каким спокойствием девушка изображала телефонный разговор. Он не слышал, что именно она говорила, но заметил паузу, в ходе которой она записывала ответ. Через несколько секунд в коридоре послышались тихие шаги.

Его сердце рвалось из груди. Он подумал, что хозяйка обязательно заметит напряженное выражение его лица, и попытался уделить внимание беседе и сохранять спокойствие.

Он устроил девушке проверку. На карточке не было номера телефона; служанка вернулась бы за объяснением, окажись она не той девушкой, которую он искал.

> Если вы – «Мэри Ремингтон», сообщите, где и когда мы можем поговорить. Это важно для нас обоих!

Вот что на самом деле было написано на карточке. Дрожащими пальцами он взял ее с серебряного подноса, который она поднесла ему, скромно потупив взор. Он сразу узнал ее тонкий почерк — тем же почерком была написана записка, в которой она благодарила его и сообщала о благополучном приезде в Чикаго. От радости он чуть не подскочил и едва сдержал вскрик.

Сообщение на карточке было очень простым. Если бы его прочел незнакомец, он ничего бы не заподозрил. Попадись оно на глаза кому-то из гостей, тот не счел бы его необычным.

Здание Ассоциации молодых христианок, малая гостиная, завтра, 15:00.

Это большое здание было ему хорошо знакомо: он много раз проходил мимо, но никогда не интересовался происходящим внутри. Теперь он вдруг проникся расположением к обществу молодых христианок, учредившему безопасные дома для бездомных женщин в больших городах.

Он взглянул на девушку, разливавшую кофе на другом конце стола, но та даже не моргнула и ничем не выдала, что они знакомы. Она спокойно закончила выполнять свои обязанности, вышла из столовой и больше не вернулась, хотя они

долго сидели за кофе. После все гости перешли в другую комнату, и интерес Трайона к хозяевам стал угасать. Хозяйская дочь села за пианино — он попросил ее спеть, поддавшись ее же намекам. Она прощебетала несколько сентиментальных песенок, невыразительно аккомпанируя себе толстыми наманикюренными пальцами. Его душа негодовала при мысли, что эта девушка развлекает гостей, в то время как другая, чья музыка привела бы всякого в восторг, сидит в убогой кухне и занимается ручным трудом.

Он рано ушел и поспешил в гостиницу. Переходя улицу, чтобы поймать кэб, заприметил в тени напротив дома коренастую фигуру: ему показалось, что мужчина следит за окнами.

Он отбыл под предлогом срочных дел, но, поднявшись в свой номер, понял, что может лишь сидеть и размышлять. Он наконец нашел ту, кого так давно искал; еще никогда в жизни он так не радовался. Но он обнаружил ее в странных обстоятельствах, и это лишь усилило его замешательство и внушило безымянный страх. Он вспомнил коренастого ирландца в галошах и понял, что уже не сможет успокоиться; взяв шляпу, снова вышел на шумные улицы вечернего города и зашагал вперед, пока не очутился у дома, где

незадолго до этого ужинал.

Он прошел по улице и увидел, что свет еще горел во всех окнах. Окна прислуги выходили в переулок; в них тоже горел свет, и по переулку разносился громкий смех. Неужели она там и терпит это грубое общество? На четвертом этаже он заметил еще одно тускло освещенное окно. За шторой мелькнула тень. Что-то подсказывало, что ее комната находилась именно там. Он ходил взад-вперед, пока свет не погас, а затем почтительно приподнял шляпу, повернулся и вышел к проспекту и трамвайным путям. Когда он проходил мимо ворот, открылась дверь черного хода; блеснул яркий свет, раздался хохот, кто-то пожелал спокойной ночи с ирландским акцентом, и коротышка в сюртуке и калошах, спотыкаясь, вышел на улицу и бесшумно скрылся в переулке.

Глава 10

Той ночью Данэм почти не сомкнул глаз. Сердце металось от радости к тревоге. С одной стороны, ему хотелось предупредить девушку о мужчине, который слонялся возле ее дома; с другой, он понимал, как это глупо. Похоже, этот малый приходил к кухарке; возможно, все, что Данэм видел и слышал, не имело к девушке никакого отношения.

На следующий день девушка привела себя в порядок и прихорошилась, используя те немногие средства, что были в ее распоряжении. Она достала свое хорошее белье, которое тщательно

завернула и спрятала, поступив в услужение, и отложила в сторону грубое полотняное, которое купила, чтобы не вызвать подозрений. Если бы кто-то зашел в комнату в ее отсутствие, ей не пришлось бы объяснять, откуда там французские кружева. Сегодня же ей захотелось вновь почувствовать себя собой, а в дешевом костюме ей никак этого не удавалось. Пускай у нее не было лучшего платья, чем простая черная фланелевая юбка и плащ, купленные на первые заработанные деньги, но это была теплая и практичная одежда. Шляпу она так и не приобрела и по-прежнему носила черную фетровую, принадлежавшую юноше, с которым она собиралась встретиться. Она сокрушенно посмотрела на себя в крошечное зеркало и задумалась. Поймет ли ее юноша и сможет ли простить? В любом случае, другой шляпы у нее не было, а зайти в магазин до назначенного времени она бы уже не успела: к хозяевам неожиданно нагрянули гости, и ее сильно задержали.

Она с сомнением взглянула на свою поношенную обувь. Мягкая лайковая кожа потрескалась и обтрепалась. На руках были дешевые черные шелковые перчатки. Она впервые столь критично присмотрелась к своему внешнему виду: ей

было стыдно появляться в такой одежде перед человеком, который ей помог.

Она взяла с собой деньги, которые удалось накопить за время жизни в Чикаго, окинула взглядом свою безрадостную комнату и поняла, что хотела бы попрощаться с ней навсегда и вернуться в мир, к которому привыкла. И все же она понимала, что эта каморка была ее единственным пристанищем и защитой от мира, где она теперь оказалась. Она закрыла дверь, спустилась по лестнице и вышла на улицу. Внешне она ничем не отличалась от любой другой служанки, что выбралась из хозяйского дома после рабочего дня. Она не знала, что ждало ее при встрече с ним, и не осмеливалась думать, о чем пойдет разговор. Скорее всего, он спросит, как ей живется, и предложит финансовую помощь. Разумеется, она ее не примет, но ей будет приятно думать, что кому-то она небезразлична. Ей очень хотелось с ним увидеться не потому, что он был добр к ней, а потому, что он принадлежал к ее миру. Она знала, что он не выдаст ее тайну; у него были честные глаза. Она не заметила тихих шагов за своей спиной и лишь чуть отодвинулась, когда на трамвайной остановке к ней приблизился какой-то краснолицый мужчина и посмотрел на

нее налитыми кровью глазами. Она не заметила, как мужчина в мешковатом сюртуке сел в тот же трамвай.

Трайон Данэм стоял под большой каменной аркой и внимательно вглядывался в толпу. Когда девушка вышла из трамвая, он сразу ее увидел, однако не заметил коренастого мужчину в мешковатом сюртуке, которые пошел за ней и с любопытством взглянул на Данэма, когда тот шагнул вперед, приподнял шляпу и почтительно взял девушку за руку. Коренастый мужчина совсем такого не ожидал. Он стоял и озадаченно смотрел на парочку, скрывшуюся в дверях величественного здания; затем он нашел удобное место для наблюдения и стал ждать, пока девушка, за которой ему поручили следить, вновь покажется в дверях. Может, этот джентльмен пытается уговорить ее перейти к нему на работу? И она подумывает сменить место? Нужно быть начеку.

Данэм поставил два стула в углу гостиной в глубине дома. Они остались одни; лишь изредка кто-то проходил по коридору. Он усадил девушку на самый удобный стул и подошел к окну опустить штору, чтобы ей в глаза не било резкое дневное солнце. Она же сидела, смотрела на свои

поношенные туфли, дешевые перчатки и грубое платье и благодарила его за уважение, которое он ей оказывал даже при таком костюме. Горький опыт научил ее, что женщине подобного статуса не принято оказывать уважение. Он вернулся и некоторое время стоял и просто смотрел на нее. Она заметила, что он узнал шляпу, и ее бледные щеки окрасились розовым румянцем.

— Возможно, вам не понравится, что я оставила шляпу себе, — робко произнесла она и коснулась головного убора, — но мне была необходима шляпа, а купить новую я пока не могла. Я решила, что вы меня простите и позволите расплатиться потом.

— Даже не говорите об этом, — отмахнулся он, тихо обращаясь к ней. — Я рад, что шляпа пригодилась. Если бы я знал, что она у вас, я бы обрадовался. Я даже не заметил ее отсутствия; в это время года я ее не ношу. Это дорожная шляпа.

Он снова посмотрел на нее, будто ему просто нравилось на нее смотреть, и под его взглядом она напрочь забыла, что хотела сказать.

— Я так рад, что нашел вас, — продолжал он. — С тех пор как мы расстались в поезде, я думал о вас постоянно. Винил себя, что ушел и оставил вас одну. Надо было поехать с вами. С того дня

мне не было покоя.

Он говорил так пылко, что она не осмеливалась его прервать, а могла лишь сидеть и, дрожа, ошеломленно слушать излияния чувств, о которых он говорил полушепотом. Она пыталась возражать, но выражение его лица ее остановило. С непритворной горячностью он продолжал.

— Я приехал в Чикаго с целью вас найти. Я больше не мог терпеть неизвестность. Я повсюду вас искал, стараясь соблюдать осторожность, чтобы не поставить под угрозу вашу безопасность. Вчера, перед тем как отправиться на ужин с мистером Филлипсом, я почти отчаялся. Мне казалось — нельзя возвращаться домой, не убедившись, что вам ничего не угрожает. Но теперь я вас нашел и не оставлю, пока не удостоверюсь, что вы не нуждаетесь в помощи.

Она набралась храбрости и дрожащим от чувств голосом ответила:

— Прошу, не думайте так. Вы помогли мне, когда я не знала, как быть, и помогли встать на ноги. Я никогда не перестану благодарить вас за доброту, которую вы проявили к незнакомому человеку. А теперь у меня все хорошо. — Она попыталась улыбнуться, но непрошеные слезы хлынули из глаз.

— Бедное дитя! — В его голосе слышалось нечто большее, чем сострадание, а во взгляде читались самые сокровенные чаяния его сердца. — Разве могу я поверить, что у вас все хорошо, когда вы носите одежду служанки и работаете на людей, которых во всем превосходите? С вашим благородством и образованием это они должны вам прислуживать!

— Это был самый безопасный вариант и единственная возможность скрыться, — попыталась объяснить она. — Я учусь, и с каждым днем у меня все лучше получается.

— Ничуть в этом не сомневаюсь. При желании вы можете стать превосходной служанкой. Но теперь с этим покончено. Я позабочусь о вас. Не возражайте, я все равно это сделаю так или иначе. Но сперва я должен спросить вас кое о чем, и, надеюсь, вы доверитесь мне и ответите. Есть ли другой мужчина, кому поручено заботиться о вас, но он по какой-то причине не может или не желает этого делать?

Она взглянула на него; большие глаза блестели от слез, и она содрогнулась.

— Никак нет! — выпалила она. — Слава Богу, нет! Моего дорогого дяди нет в живых уже четыре года, а со смерти отца обо мне некому

заботиться.

Он посмотрел на нее, и его лицо осветилось, но она не поняла отчего и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Тогда я скажу вам кое-что, — он понизил голос, но его по-прежнему было отчетливо слышно.

В этот момент по коридору прошла высокая дама средних лет с недовольно поджатым ртом и, посмотрев на них, громко хмыкнула. Но они ее не заметили. Коренастый мужчина в сюртуке тем временем околачивался у здания и даже прошел мимо окна комнаты, где они сидели, но штора была опущена, и они его не видели. Трайон тихим и приятным голосом продолжал:

— Я неравнодушен к вам с первой встречи и теперь прошу, чтобы вы разрешили мне всегда заботиться о вас и оберегать от всего мира.

Она растерянно на него посмотрела.

— Что вы имеете в виду?

— Я люблю вас и хочу на вас жениться. Тогда я смогу обеспечить вам жизнь, которую вы заслуживаете, и при необходимости сражаться за вас со всем миром.

— О! — тихо воскликнула она.

— Не спешите отвечать, — взмолился и он и

ласково коснулся ее изящной дрожащей руки. — Дослушайте меня и ничего пока не говорите. Я понимаю, что вы удивлены. Вам наверняка говорили, что предложение руки и сердца — дело небыстрое и требует куда большей тщательности и деликатности. Я также не хочу, чтобы вы думали, будто я не могу помочь вам другим способом. Если вы не захотите выйти за меня, я придумаю что-то другое. Но лучше всего нам пожениться, если вы, конечно, не возражаете, ведь я даже не мечтал, что однажды полюблю женщину так, как люблю вас. Остается лишь вопрос: сможете ли вы терпеть меня, пока у вас не возникнет ко мне ответное чувство?

Она красноречиво на него посмотрела.

— Дело не в этом, — запнувшись, выпалила она, и розовый румянец вновь залил ее щеки и лоб. — Дело совсем не в этом. Вы ничего обо мне не знаете, а если бы знали, думали бы обо мне так же плохо, как прочие, и…

— Тогда ничего не рассказывайте. Мне все равно, что думают прочие. Если выяснится, что вы отравили мужа, значит, он того заслуживал; в любом случае я не перестану вас любить и поддерживать.

— Я не сделала ничего плохого, — угрюмо от-

вечала она.

— Если вы не сделали ничего плохого, мы докажем это миру, а если не докажем, улетим на необитаемый остров и будем жить там в любви и покое. Вот как я настроен. Я знаю, что вы добры, честны и прекрасны. Я не поверю, что вы совершили зло, как не поверю и в то, что вы сумасшедшая.

Ее лицо вдруг побелело.

— А что, если я в самом деле сумасшедшая?

— Тогда я все равно женюсь на вас, буду ухаживать за вами и попытаюсь вылечить, а если не получится, помогу справляться с недугом.

— Что же вы за прекрасный человек! — воскликнула она, и любовь вспыхнула в ее глазах.

Невзрачные блеклые стены равнодушно взирали на разыгрывающуюся перед ними сцену, то ли романтическую, то ли драматическую. Снаружи шумел и суетился город, но они забыли о его пыли и грязи пред лицом великой страсти, заставлявшей их сердца биться в унисон.

— Как думаете, вы смогли бы научиться меня любить? — спросил он, и голос его звучал как старинная песнь о любви.

— Я уже люблю вас, — тихо ответила девушка. — Кажется, я полюбила вас с нашей первой

встречи, хотя запрещала себе об этом думать. Но мне представляется неправильным выходить за вас замуж, ведь вы обо мне ничего не знаете.

— Как и вы обо мне, забыли?

— О нет, кое-что мне о вас все-таки известно, — смущенно ответила она. — Не забывайте, вы же пригласили меня на ужин с друзьями. Я не могла не заметить, что они хорошие люди, особенно этот чудесный пожилой джентльмен, судья. Он так похож на моего дорогого папеньку! Я заметила, с каким уважением и симпатией они к вам относятся. И то, что вы для меня сделали, как отнеслись к беззащитной незнакомке, как будто мы с вами знаем друг друга много лет… Это многое о вас говорит.

Он улыбнулся.

— Спасибо, — ответил он. — Но я решил, что нашего краткого знакомства недостаточно, и перед приездом сюда пошел к пастору церкви, куда ходит моя мать и я сам ходил с детства. Я попросил его написать мне рекомендательное письмо. Это известный и уважаемый человек; его слова можно воспринимать как поручительство.

Он протянул ей развернутый листок бумаги; прочитав подпись, она убедилась, что та принадлежит одному из самых известных пропо-

ведников в стране, а пробежавшись взглядом по строчкам, увидела, что тот крайне благосклонно отзывался о юноше и называл его своим «сердечным другом».

— Вы также имеете право знать, что я всегда старался вести честную и достойную жизнь и прежде никогда не признавался в любви ни одной женщине, не считая моей пожилой кузины, в которую влюбился в девятнадцать лет. Та лишь посмеялась, тем самым излечив меня от влюбленности; с тех пор мое сердце свободно.

Она оторвалась от чтения.

— У вас столько рекомендаций, а у меня ни одной. — Она беспомощно всплеснула руками. — Вам, наверно, кажется странным, что я попала в такую ситуацию. Я и сама обескуражена. Это ужасно.

Она закрыла глаза руками и задрожала.

— Я приехал спасти вас от этого, — он наклонился и нежно добавил: — Моя дорогая.

— Нет, погодите! — Она задержала дыхание, будто каждый вздох причинял ей боль, и выставила перед собой руку, прося его замолчать. — Ни слова больше! Сперва я должна обо всем вам рассказать. Когда вы все узнаете, возможно, начнете относиться ко мне так же, как остальные… так

что мне придется бежать и от вас.

— Неужели вы мне не доверяете? — упрекнул ее он.

— Разумеется, доверяю, но вы, скорее всего, перестанете мне доверять, а я этого не вынесу.

— Торжественно обещаю, что поверю каждому вашему слову.

— Да, но вы решите, что я не в себе и ваш долг — отдать меня в руки моим врагам.

— Клянусь, что никогда так не поступлю, — горячо ответил юноша. — Не бойтесь во всем мне признаться. Но сперва скажите: есть ли хоть одна причина — физическая, моральная или духовная, — почему вы не можете стать моей женой?

Она посмотрела ему в глаза.

— Нет, ни одной.

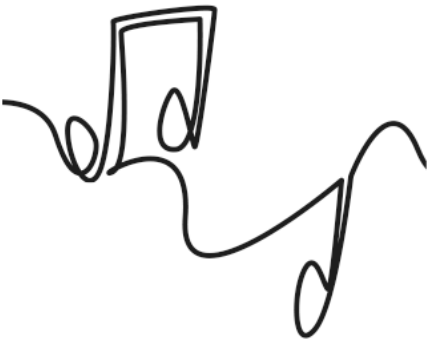
— Тогда я готов заключить наш брак, даже не зная вашу историю.

— Но я не готова. Лучше увидеть недоверие в ваших глазах сейчас, чем после свадьбы.

— Тогда расскажите мне все.

Он потянулся и взял ее за руку, будто хотел поддержать ее в трудном признании.

Глава 11

— Мой отец умер, когда я была еще маленькая. Мы жили бедно, и старший брат матери взял нас к себе. Моя мать была младшей из сестер, и он любил ее больше всего на свете. Но у них была еще одна сестра, сводная, и она родила единственного сына, красивого и угрюмого мальчика с эгоистичным и жестоким нравом. Его радовало лишь одно — чужие страдания. Он приезжал к дяде, когда я была там, и испытывал истинное удовольствие, издеваясь надо мной. Натягивал колючую проволоку, зная, что я пройду в этом

месте в темноте, и я падала и рвала одежду. Бросался репейником мне в волосы, а однажды завел меня в заросли, прямо в осиное гнездо. Когда мы стали жить с дядей, Ричарда начали приглашать реже. Дядя рассердился на него и отправил в школу-интернат, но он приезжал на каникулы и ставил весь дом на уши. А на меня как будто затаил злобу. Однажды он разбил редкую вазу из дрезденского фарфора, которой дядя очень дорожил, и свалил вину на меня.

Вскоре после смерти отца моя мать умерла, а после ее кончины некому было защитить меня от Ричарда. Иногда я жаловалась дяде, но чаще терпела, поскольку знала, что Ричард и так причиняет ему огромное беспокойство.

Ричарда выгнали из колледжа; дядя рассвирепел и сказал, что не желает больше его видеть. Велел ему устроиться на работу. Родители Ричарда не были богачами, и кроме него у них были и другие дети. Тогда Ричард стал угрожать мне, что совершит нечто ужасное, если я не уговорю дядю снова взять его под опеку. Я ответила, что не заступлюсь за него. Он рассердился и осыпал меня страшными ругательствами. Я попыталась уйти, но он запер дверь и не выпускал меня, пока я не начала кричать и звать на помощь. Он меня

чуть не задушил тогда, но услышал, что идет дядя, выскочил в окно и сбежал. На следующий день он подделал чек от дядиного имени и пытался свалить все на меня, но его раскрыли, и дядя отрекся от него и лишил его наследства. Дядя хотел дать ему образование и хорошее начало в жизни, но теперь не желал иметь с ним ничего общего. Позорное клеймо на семейном имени сказалось на дядином здоровье, хотя его самого никто ни в чем не винил. Он выплатил долги Ричарда, однако о том, что он это сделал, знал только банкир, который был дядиным старым другом.

Мы уехали за границу. Где бы мы ни были, дядя всюду нанимал для меня лучших учителей музыки и обеспечивал мне все возможности для изучения языков, литературы и искусства. Три года назад он умер в Карлсбаде. После его смерти я вернулась к музыкальным занятиям, так как он именно этого и хотел, и поселилась в Вене у одной доброй старушки, с которой мы подружились, когда были там в прошлый раз.

Как только весть о смерти дяди дошла до родных краев, Ричард написал мне полное раскаяния письмо, где утверждал, что глубоко сожалеет о случившемся и никогда не простит себе ссору с любимым дядюшкой. Он поведал грустную

историю, как его дело провалилось и он погряз в долгах. Будь у него хотя бы несколько сотен долларов, писал он, он бы расплатился с долгами и смог бы жить дальше. Он заявил, что я унаследовала все деньги, которые принадлежали бы ему, если бы он в свое время не оступился, и он, конечно, понимал, что это справедливо, но просил одолжить ему небольшую сумму, пока не встанет на ноги. Он обещал все вернуть.

Я не верила, что он исправился, но чувствовала себя не вправе ему отказать, ведь в моем распоряжении действительно оказались деньги, которые могли бы перейти к нему. Я послала ему все, что в тот момент было у меня на руках. Поскольку я еще не достигла совершеннолетия, то не могла распоряжаться всей собственностью, но мне выдавали приличную сумму на расходы. Ричард продолжал писать мне длинные письма, уверял, что изменился, и наконец попросил моей руки. Я категорически отказалась, но он продолжал клянчить деньги и в конце каждого письма добавлял, что горячо любит меня. Наконец я с отвращением предложила ему определенную сумму ежемесячно, лишь бы он перестал донимать меня письмами, и теперь вместо писем я выписывала ему чеки. Так продолжалось три

года, вот только он постоянно просил все больше и больше денег, а случись мне отказать, начинал твердить, как любит меня и как невыносимо ему находиться со мной в разлуке. Я дошла до отчаяния и решила, что, вступив в наследство, поручу адвокатам заключить с ним соглашение, чтобы он больше меня не донимал.

По достижении совершеннолетия я должна была вернуться в Америку, чтобы подписать бумаги и вступить в право собственности. Ричард об этом знал. Он каким-то образом был осведомлен обо всех делах дяди.

Он написал, что подруга его матери вскоре окажется в Вене; сказал, что волей случая та потеряла место компаньонки и дуэньи молодой девушки, с которой путешествовала. Ему пришло в голову, что нам обеим было бы спокойнее путешествовать вместе, и предложил, чтобы она меня сопровождала. Он знал, что я не захочу плыть одна, так что прислал мне ее адрес и рекомендации, а заодно записку от матери, в которой та сообщала, что с этой леди я могу чувствовать себя в безопасности.

Мне на самом деле нужна была спутница, поскольку я не смогла уговорить свою дорогую хозяйку отправиться со мной. Потому я решила,

что ничего не случится, если я доверюсь этой женщине. Я увиделась с ней; она показалась мне очень красивой, печальной и хрупкой. Она принялась умолять меня взять ее с собой, и, хотя не могу сказать, что она мне очень понравилась, я решила, что в качестве компаньонки она сгодится.

В плавании она мне не докучала, но кокетничала напропалую и пользовалась большой популярностью у джентльменов на борту, особенно у одного высокого неприятного мужчины с жестоким лицом и маленькими глазками, который производил впечатление человека, который с радостью мучает слабых, находящихся в его власти. Я выяснила, что он врач, специалист по психическим расстройствам; миссис Шамбре прожужжала мне все уши, восхваляя его опыт и знания этих болезней.

В Нью-Йорке Ричард нас встретил и буквально прибрал к рукам. Оказалось, врач с корабля тоже поедет с нами, хотя я об этом не догадывалась. Я обнаружила это лишь в поезде, который, как мне казалось, направляется в Буффало, где я раньше жила. Я давно не бывала в Нью-Йорке и, естественно, плохо ориентировалась и не понимала, куда мы на самом деле ехали. Кузен сказал, что

все устроил и спланировал. Миссис Шамбре вдруг начала говорить со мной как с маленьким ребенком и твердила: «Мы хорошо о тебе позаботимся, милая; ни о чем не беспокойся».

Я села в отдельное купе, сославшись на головную боль, но на самом деле просто хотела остаться одна. Мне не нравилась подчеркнутая забота моего кузена. Внимание неприятного врача, который не спускал с меня глаз, тоже стало раздражать.

Близился вечер; мы сидели в открытом вагоне, и я сказала, что хочу прилечь. Мужчины встали и ушли в курительную комнату. Несмотря на мои возражения, миссис Шамбре вызвалась меня сопровождать: мол, хотела проследить, что я удобно устроюсь. Она суетилась, накрывала меня одеялом, предлагала нюхательные соли и одеколон от головной боли. Я не стала ей сопротивляться, думая, что так скорее от нее отвяжусь. Я закрыла глаза, а она сказала, что вернется в открытый вагон. Некоторое время я лежала неподвижно и думала, как же мне хочется от нее избавиться. Она вела себя так, будто планировала и дальше быть моей компаньонкой, и внезапно я поняла, что должна немедленно поговорить с ней и сообщить, что больше не нуждаюсь в ее услугах, так

как наше путешествие подошло к концу. Я решила, что лучше сказать ей об этом немедленно, и момент казался вполне подходящим, так как она ушла в открытый вагон и, скорее всего, была там одна. Я встала и переоделась, близилось время ужина. В открытом вагоне миссис Шамбре не оказалось. Там вообще не было ни души. Я выбрала стул у перил подальше от двери в вагон, села и стала ждать, надеясь, что она скоро придет.

Поезд мчался по живописной местности. Сгущались сумерки, я расслабилась, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Вскоре к стуку колес присоединились голоса, и, заглянув в щелочку в двери, я заметила в соседнем вагоне миссис Шамбре, Ричарда и врача. Я притихла и ждала, когда они зайдут в мой вагон, но они не зашли. Они устроились за дверью, велели носильщику принести столик и сели играть в карты.

Поезд замедлил ход и остановился, пропуская встречный состав. Я услышала голос Ричарда; он спрашивал, где я. Миссис Шамбре рассмеялась и ответила, что я сплю. И тут они начали говорить обо мне. Других пассажиров в вагоне не было. Ричард спросил миссис Шамбре, не догадалась ли я, что мы сели не на тот поезд, и та ответила: «Она ни о чем не подозревает». Постепенно из их

разговора я поняла, что они придумали самый коварный план, о котором я когда-либо слышала. Мы ехали в Филадельфию и уже скоро должны были прибыть на место; затем они намеревались отвезти меня в окрестности Вашингтона, где у этого врача имелась частная психиатрическая клиника. Меня должны были поместить в эту клинику. Чтобы я не сопротивлялась, они собирались дать мне крепкое снотворное, убедив меня, что это лекарство от головной боли; а если бы я отказалась его принять, миссис Шамбре нашла бы способ подсыпать мне его в еду или вколоть во сне. Оказалось, миссис Шамбре не догадывалась о заговоре, пока мы не отплыли в Америку, и все подробности ей сообщили только что. Они думали, что я сплю в купе; миссис Шамбре должна была убедиться, что я крепко уснула, и подать им сигнал.

Они все продумали. Изучив мои письма, которые я посылала ему в течение трех лет, Ричард научился подделывать мой почерк и написал несколько любовных писем якобы от меня к нему. Они сравнили письма и зачитали отрывки вслух. В этих письмах «я» постоянно твердила, что мы поженимся, как только я вернусь из-за границы, а в некоторых говорилось о наследстве как нашем

общем и о том, что теперь ему не составит труда распоряжаться этими деньгами.

Они даже сфабриковали свидетельство о браке с нашими именами, а миссис Шамбре и врач подписались как свидетели. Насколько я поняла, они собирались представить этот документ в доказательство, что мы с Ричардом женаты и он имеет право распоряжаться моим имуществом, поскольку меня признают недееспособной. Они даже нашли какую-то сумасшедшую, которая должна была занять мое место, если явятся душеприказчики и захотят на меня посмотреть. Поскольку сами душеприказчики не видели меня несколько лет, обмануть их не составляло труда. За свои услуги миссис Шамбре и врач должны были получить кругленькую сумму.

Поначалу я не поверила своим ушам. Решила, что ошиблась и речь не обо мне. Но они несколько раз упомянули мое имя, и по мере того, как мне открывались все ужасные подробности их плана, меня охватил такой сильный страх, что я готова была броситься к проводнику и носильщику и умолять их мне помочь. Но инстинкт подсказал, что этого делать нельзя, и я оказалась права: в следующую минуту Ричард сообщил, что проводник и носильщик в курсе, что я сумасшед-

шая, и ничуть не удивятся, если меня придется связать и удерживать силой. Он сказал им, что я относительно безобидна, но проводник, видимо, шепнул другим пассажирам, что в поезде безумная пассажирка, поэтому в открытый вагон никто не решался зайти. Потом они рассмеялись, а мне показалось, будто под моими ногами разверзлась земля и я проваливаюсь в бездонную яму.

Я замерла и не решалась даже вздохнуть. Затем еще раз повторила про себя всю историю, и все, что случилось со времени нашего прибытия и даже раньше, до того, как я уехала из Вены, внезапно сложилось в единую картину. Я поняла, что попала в ловушку. Взывать к окружающим было бесполезно: мне никто бы не поверил. Я в отчаянии огляделась и подумала, не перелезть ли через перила и не спрыгнуть ли с поезда. Уж лучше смерть, чем судьба, которую мне уготовили. Мои преследователи даже рассказали, что обманули моих друзей в Америке, отправив им телеграммы с сообщением о моей психической болезни и необходимости помещения меня в психиатрическую клинику. Мне было не к кому обратиться за помощью. Доказать, что я не сумасшедшая, могли лишь мои венские знакомые, но как с ними связаться, если я оказалась во власти

Ричарда?

Мимо пролетали таблички с названиями станций, постепенно стемнело, и я уже ничего не видела. Мне показалось, что я прочла на одной из табличек название станции в пригороде Филадельфии, но я могла и ошибиться.

От страха и холода я замерзла, но не отваживалась шевелиться, чтобы они меня не заметили.

Поля сменились городской застройкой, и я догадалась, что мы приближаемся к городу. Потом поезд вдруг замедлил ход и остановился без предупреждения, но было ясно, что он вот-вот тронется.

Я увидела с противоположной стороны платформу; наш поезд был длинным, и здание депо осталось позади. Я не могла перелезть через перила и спрыгнуть на платформу, так как для этого мне пришлось бы пробежать мимо двери вагона, и тогда меня бы заметили.

С той стороны, где я сидела, тянулись рельсы, отделенные друг от друга деревянными заборами высотой с платформу. Заборы стояли вплотную к поездам и тянулись покуда хватало глаз в обоих направлениях. Времени на раздумья не оставалось; я поняла, что должна перелезть через перила, спуститься на рельсы и перейти через

них, минуя все эти ограждения.

Руки замерзли и дрожали; я с трудом ухватилась за перила и спрыгнула.

Не помню, как я добралась до края; мне дважды приходилось прижиматься к забору, когда мимо проносился поезд, и от шума и потрясения я едва не лишилась чувств. Я чудом уцелела, но в тот момент было не до того. Все мои мысли были лишь о поезде, который остался стоять позади. Я оглянулась всего один раз и, кажется, увидела Ричарда в дверях вагона. Затем слепо побежала вперед и уже не оборачивалась, пока не очутилась в том темном тоннеле под мостом и не увидела впереди вас. Мне было страшно к вам обращаться, но я не знала, что еще делать, и вы проявили ко мне такую доброту…

Ее голос сорвался, и она всхлипнула.

Все это время он крепко держал ее за руку. Она напрочь забыла, что за ними могли наблюдать, а ему было все равно.

Высокая женщина с недовольным ртом подошла к хозяйке и сказала, что мужчина и женщина в гостиной, кажется, засиделись. Ей показалось, что мужчина пытался сделать девушке непристойное предложение. Хозяйка несколько раз прошлась взад-вперед по коридору, заглянула в

гостиную, чтобы разведать обстановку, но парочка ее не замечала.

— Мое бедное дитя! — воскликнул юноша. — И все это вам пришлось пережить в одиночку! Почему вы мне ничего не рассказали? Я бы вам помог. Я же адвокат.

— Я решила, что вы насторожитесь и будете высматривать признаки сумасшествия. Подумала, что вы поверите, будто я на самом деле психически больна и решите вернуть меня «друзьям». Если бы кто-нибудь явился ко мне с подобной историей, я бы так и поступила.

— Увидев вас и поговорив с вами, никто бы так не поступил. Я бы никогда в это не поверил. Ни один уважающий себя врач не поместил бы вас в психиатрическую клинику, но я знаю, что такие аферы часто проворачивают. Должно быть, ваш кузен — отчаянный малый. Я не буду спокоен за вашу безопасность, пока вы не станете моей женой. Вчера вечером у дома мистера Филлипса я видел двух подозрительных мужчин. Они смотрели на окна и говорили о слежке за некой Мэри. Один из них был высокого роста, худощав и весьма хорош собой, темноволосый, темноглазый. Второй, ирландец, носил сюртук, который ему слишком велик, и резиновые калоши. Я вер-

нулся туда поздним вечером, и ирландец все еще околачивался возле дома.

Девушка испуганно взглянула на него и взволнованно вцепилась в подлокотники кресла.

— Вы согласитесь пойти со мной в церковь тут неподалеку, где пастором служит мой друг? Там мы могли бы обвенчаться, и все кузены мира уже не смогут нам навредить. Вы мне верите? — взмолился он.

— Да, но…

— Все дело в том, что вы меня не любите, да?

— Нет, что вы, — она смущенно потупила взор. — Странно, что я осмеливаюсь говорить вам о любви, хотя совсем вас не знаю. — Она взглянула на него, и ее глаза засветились любовью; несмотря на убогое платье, она показалась ему святой. Ни одна современная модница в самой роскошной шляпе не сравнилась бы с этой мадонной, чьи строгие косы были обернуты вокруг прелестной головки и спрятаны под мягкой фетровой шляпой.

— Тогда в чем, дорогая? Пойдемте скорее.

— Разве я могу пойти в таком виде? — Она в ужасе взглянула на свои обшарпанные туфли, грубое черное платье и дешевые перчатки, и мягкий румянец окрасил ее щеки.

— Вам и не нужно. Ваше платье у меня в конторе, в чемодане. Я привез его с собой, решив, что оно может вам понадобиться. Точнее, я *надеялся*, что оно вам понадобится, — добавил он с улыбкой. — Я держал его при себе: во-первых, это почему-то меня утешало, и, во-вторых, я боялся, что кто-нибудь его найдет и осквернит нашу тайну праздным любопытством.

В этот момент к поглощенной разговором паре подошла хозяйка филиала Ассоциации молодых христианок, решив наконец выполнить свой долг. Она поджала губы так, что те сложились в тонкую ниточку, а ее лицо выражало неприязнь.

Юноша встал и суровым тоном спросил:

— Прошу прощения, не могли бы вы ненадолго предоставить этой девушке комнату для отдыха, пока я выйду по делам?

Тут хозяйка отметила, что у него благородное лицо и честный взгляд, и с радостью приняла протянутую ей десятидолларовую банкноту.

— Мы берем пятьдесят центов за комнату, — ответила она и смерила взглядом убогое платье его спутницы. Она решила, что эта девушка — бедная родственница или приехала из деревни.

— Ничего страшного, — ответил юноша. — Пусть сдача пойдет на благое дело.

Атмосфера сразу изменилась. Хозяйка улыбнулась и ушла сделать выговор женщине с недовольным ртом. Затем велела лифтеру отнести чемодан девушки в комнату. Вернувшись в свой кабинет, она заметила мужчину в мешковатом сюртуке и галошах на толстой подошве, который выбежал на улицу, но сперва украдкой окинул внимательным взглядом здание.

— Теперь можете подняться в комнату и приготовиться, а я улажу еще кое-какие дела, — уверенно проговорил Данэм, когда хозяйка ушла. — Утром я зашел к своему другу пастору и уточнил все юридические нюансы. Мне нужно несколько минут на последние приготовления. Скажите, я могу что-то сделать для вас?

— Нет, — ответила она с отчасти испуганным видом. — Но, боюсь, я не могу допустить, чтобы вы так поступили. Вы меня совсем не знаете.

— Довольно, дорогая. Нельзя терять время. Сколько вам понадобится на переодевание? Получаса хватит? Уже поздно.

— Нет-нет, я быстро. — От радости у нее перехватило дыхание. Голос ее спутника был таким сильным и внушал уверенность, в его глазах читалась чудесная любовь, и от внезапного восторга у нее закружилась голова.

Лифтер появился в дверях со знакомым чемоданом.

— Не бойтесь, моя дорогая, — прошептал юноша и проводил ее к лифту. — Я скоро вернусь, и тогда наконец мы будем вместе!

Мальчик отвел ее в большую комнату в передней части здания. Десять долларов сделали свое дело: эта комната явно стоила больше той, за которую брали пятьдесят центов. Кто-то — возможно, гость или благородный спонсор — повесил на стену цитату в красивой раме. Она увидела ее сразу, как только вошла: «Радуйтесь и веселитесь!». Маленькая картина всего с одной фразой могла показаться банальной, но она увидела в ней знак, и сердце с готовностью повиновалось. Она подошла к окну, чтобы еще разок взглянуть на мужчину, которому скоро предстояло стать ее супругом, но на улице его не оказалось. Вид спешащих людей напомнил ей, что и она должна торопиться. Внезапно сутулый человек в мешковатом сюртуке на противоположной стороне улицы повернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Она вздрогнула и отступила в тень, вспомнив, что Данэм говорил об ирландце, который следил за ней вчера. Она инстинктивно опустила штору и заперла дверь.

Глава 12

Мужчина в галошах юркнул в табачную лавку, возле которой стоял. Оттуда хорошо просматривалось здание Ассоциации. Кинув хозяину несколько монет, он попросил разрешения воспользоваться телефоном. Присматривая за входом в здание напротив, набрал номер и донес о положении дел.

— Птичка в клетке. Она в комнате в Ассоциации христианок; видел ее у окошка. Пришла с благородным джентльменом, но сейчас он ушел, а она, похоже, решила там задержаться. Приез-

жайте, сэр… Да. Скорее! — Он повесил трубку и поспешил к наблюдательному посту у входа в здание. Тем временем будущая невеста наверху надевала свое красивое платье и распускала волнистые волосы на прежний манер. Ее сердце пело от счастья, а руки дрожали от волнения.

Трайон Данэм все спланировал. Сперва он позвонил своему другу пастору и велел готовиться; затем флористу, чья лавка находилась возле церкви; затем в большой универмаг, куда заходил с утра.

— Мистер Хантер, управляющий отделом меховых товаров? Мистер Хантер, это мистер Данэм. Помните наш сегодняшний разговор? Прошу, немедленно отправьте манто и шляпку в здание Ассоциации молодых христианок. Да, просто отправьте их на адрес Ассоциации. Вы же помните, что мы договорились об оплате наложенным платежом? Утром я показал вам чек. Наша договоренность в силе? Сколько времени займет доставка? Хорошо. Если меня не окажется на месте, пусть посыльный подождет. Всего доброго.

После этого он заказал карету и велел кэбмену заехать в цветочную лавку и забрать цветы. Он взглянул на часы. Прошло уже семнадцать минут из тридцати. Торопясь и нервничая, он вернулся

в телефонную будку и позвонил домой по междугородней связи.

К его облегчению, трубку сняла мать.

— Мама, это ты? Это Трайон. Ты здорова? Хорошо. Да, я в Чикаго и скоро вернусь домой. Мама, у меня для тебя новость, которая, возможно, тебя удивит, но она хорошая. Ты наверняка заметила, что в последнее время меня что-то тревожит. — Он сделал паузу, дождавшись ее согласного «угу».

Он представил выражение лица матери: суровая хмурая мина женщины, готовой ко всему. Он решил избавить ее от долгого ожидания и поспешил во всем признаться.

— Помнишь, ты спрашивала про то кольцо?

— Трайон! Ты обручился? — В ее голосе слышалась сильная тревога, хотя их разделяли сотни миль.

— Лучше, мама. Я женюсь!

— Сын мой! Что ты наделал? Ты же не опозорил нашу честную фамилию?

— Нет, мама, не опозорил. Моя невеста благородна, прекрасна и мила. Ты ее полюбишь, и весь наш круг упадет к ее ногам.

— Но кто она? Помни, сын, любовь слепа. Трайон, немедленно возвращайся домой! Я умру, если

ты нас опозоришь. Прошу, не делай ничего, что может испортить нам жизнь! Я чувствую, что ты попал в беду, иначе не стал бы так торопиться.

— Ничего подобного, мама. Ты мне веришь? Позволь объяснить. Эта девушка осталась одна во всем белом свете, и так уж сложились юридические обстоятельства, что желательно немедленно взять ее под свою защиту. По телефону слишком долго рассказывать. Мы сейчас же отправимся в церковь Эдвина Твинелла, и он нас обвенчает. Я все организовал, но решил, что ты должна знать. Думаю, мы приедем домой ночным экспрессом. Передай Корнелии, что я жду телеграмму с поздравлениями в течение двух часов. Можно прислать ее в гостиницу.

— Но Трайон, что подумают наши друзья? Это же так… необычно! А как же карточки с оповещением?

— Мама, давай обойдемся без этой волокиты! Какая разница? Можешь поместить объявление в светской хронике.

— Но Трайон, я не хочу привлекать внимания!

— Что ж, мама, я не собираюсь откладывать венчание в последний момент из-за каких-то кусочков картона! Я сделаю все возможное, чтобы тебе угодить, но только не это.

— А разве нельзя нанять ей компаньонку и привезти ее ко мне? Мы вместе спокойно спланируем свадьбу.

— Мама, это невозможно! Во-первых, она ни за что не согласится. Послушай, мама, я правда не могу продолжать разговор. Я должен идти, иначе опоздаю. Просто пообещай, что полюбишь ее ради меня. Когда вы встретитесь, ты не устоишь перед ее обаянием.

— Трайон, ты никогда не отличался благоразумием. А ведь мы могли бы прямо сейчас заказать гравировку на карточках; давай я отправлю список гравировщику телеграммой, только продиктуй мне его адрес… А можешь сам заказать карточки и отправить их из Чикаго! Тогда злым языкам будет нечего нам предъявить.

— Хорошо, я так и сделаю. Гравировщик пришлет тебе телеграмму с адресом в течение двух часов. А ты пока подготовь список. И мама, прошу, не волнуйся. Она порядочная девушка. Даже если бы ты сама выбирала мне невесту, то не нашла бы лучше. Обещай, что полюбишь ее, мама.

— Я постараюсь, — безутешно вздохнула миссис Данэм. — Я просто не ожидала, что ты женишься неожиданно. Ты даже не сказал, кто она.

— Все в порядке, мама, она из хорошей семьи. Я

должен торопиться…

— Но как ее зовут, Трайон?

— Послушай, мама, мне правда пора. Если хочешь больше о ней узнать, спроси миссис Паркер Боуман. До встречи! И не грусти, все будет хорошо.

— Но Трайон, как ее зо…

Трайон повесил трубку и нервно посмотрел на часы. У него оставалось две минуты, но он должен был обо всем рассказать судье Блэкуэллу. Он надеялся застать его в конторе. Судья, бывало, задерживался допоздна. Данэм набрал рабочий номер. Судья оказался на месте, и через минуту в трубке зазвучал его веселый голос.

— Алло!

— Здравствуйте, судья! Это вы? Да, это Данэм… Из Чикаго. Да, я закончил дела и готов вернуться домой, но прежде хотел сообщить новость. Помните девушку, которая ужинала с нами у миссис Боуман и прекрасно играла на рояле? Да, в вечер нашего с вами знакомства… Так вот, вы тогда угадали насчет нас… Она сейчас в Чикаго, и перед моим отъездом мы намерены пожениться. Я собираюсь в церковь и хотел заручиться вашим благословением.

— Благословляю и поздравляю вас обоих! — сер-

дечно воскликнул судья. — Передай невесте, что я готов взять ее в контору старшим консультантом при условии, что она будет играть для меня на рояле, когда я попрошу.

Юноша повесил трубку, и при мысли о будущем, полном перспектив, его сердце возликовало. Он вышел из будки и поспешил в Ассоциацию, напрочь забыв о гравировщике. До окончания получаса оставалась одна минута.

Тем временем девушка надела свое старое платье с облегчением и радостью, каких давно не испытывала. Случившееся за последние несколько месяцев казалось кошмарным сном, и ей не верилось, что теперь она сможет вернуться к прежней жизни и больше не скрываться. Но нет, ее жизнь уже не будет прежней; она изменится к лучшему. При мысли о юноше, который полюбил ее, принял и помог справиться с бедой, хотя совсем ее не знал, прекрасное девичье лицо покрылось очаровательным румянцем. Все складывалось как в романтичной сказке: внезапно явившийся возлюбленный и переполнявшее ее счастье. Как такое могло произойти, ведь она вела столь тихую и банальную жизнь? Однако что ни делается, все к лучшему! Она закрыла глаза дрожащими руками, сдерживая слезы радости,

и рассмеялась веселым переливчатым смехом, чего не делала со дня смерти дяди.

В дверь постучали, прервав ее грезы. Сердце бешено заколотилось. Неужели он вернулся так скоро? Или ее враг наконец ее нашел?

Трайон Данэм взбежал по ступенькам здания Ассоциации, чуть не сбив с ног малого в мешковатом сюртуке и галошах, затаившегося у входа. На лестнице его нагнал посыльный в форме с двумя огромными коробками. Быстро написав пару строчек на одной из своих визитных карточек, он сунул карточку в коробку большего размера и велел посыльному отнести коробки в комнату девушки. Затем подошел к двери и оглянулся проверить, подъехала ли карета. Карета была на месте. Он спустился, заглянул внутрь, удостоверился, что кэбмен забрал заказ из цветочной лавки, и обменялся с ним парой слов. А снова подходя к двери, увидел, что коренастый ирландец с налитыми кровью глазами пристально на него смотрит. Что-то в его манере напомнило Данэму человека, которого он видел вчера у дома мистера Филлипса, и, прежде чем войти в здание, он внимательно его разглядел и решил не сводить с него глаз. Сидя в кабинете хозяйки в ожидании своей спутницы, он дважды видел,

как ирландец заглядывает в стекло на входной двери, а потом резко отходит в сторону. Это ему надоело, он подошел к двери и спросил человека, кого тот ищет.

— Жду свою подружку, — раболепно склонившись перед ним, ответил ирландец. — Она снимает здесь комнату и недавно зашла внутрь.

— Вам лучше уйти. Хозяйка не любит, когда поблизости околачиваются мужчины.

Ирландец ушел, злобно взглянув на Данэма, а последний вернулся в кабинет. Почему-то это столкновение его встревожило, но он не понимал причины.

Тем временем девушка наверху открыла дверь и с облегчением увидела за ней мальчика-лифтера, который принес две коробки.

— Джентльмен сказал, что подождет вас внизу, и велел передать вам это, — сказал мальчик, оставил свою ношу и поспешил прочь.

Девушка заперла дверь; отчего-то теперь, когда она снова переоделась в свое платье и ее легко могли узнать, ей стало очень страшно.

Она открыла большую коробку и прочла надпись на карточке:

Дорогая, это мои свадебные подарки. Надевай и спускайся скорее; внизу тебя ждет тот, кто любит тебя больше всего на свете.

ТРАЙОН

С сияющим взглядом и розовым румянцем на щеках девушка развернула несколько слоев папиросной бумаги и достала длинное роскошное манто из аляскинского котика, подбитое изысканной парчой. Она надела его и немного полюбовалась собой в зеркале. В последнее время ей казалось, что она как бы потерялась, но сейчас она увидела себя прежнюю. Раньше у нее было много таких роскошных вещей. Грубое черное пальто, которое она себе купила, совсем не грело.

В другой коробке оказалась очаровательная шляпка из такого же меха, что и шубка. Она была украшена одним длинным и очень красивым черным пером, а формой и видом весьма напоминала ту шляпку, которую Трайон дал ей осенью. Со счастливой улыбкой она надела шляпку и рассмеялась, вспомнив о своих поношенных черных перчатках. Но ей было все равно. В церкви она планировала их снять.

Она убрала свое черное платье в чемодан, сложила мягкую фетровую шляпу, слегка примяв ее, надела перчатки и поторопилась к Трайону, который ждал ее внизу.

Хозяйка пошла наверх за бельем и оставила за старшую женщину с недовольным ртом. Та увидела элегантную даму в богатых мехах, спустившуюся на лифте, и задумалась, кто это такая и что делала наверху. Видимо, навещала свою бедную протеже, предположила женщина. Она заметила, как вспыхнули глаза Трайона Данэма, когда тот встал навстречу своей невесте, и узнала в нем мужчину, который буквально час назад разговаривал с убого одетой девушкой в гостиной. Она усмехнулась: что бы подумала благородная леди в мехах, узнай она про ту, другую? Леди и ее спутник направились к карете, пройдя мимо ирландца в мешковатом сюртуке и галошах, который вдруг спрятался за каменной колонной и неотрывно на них смотрел.

Данэм закрыл дверь кареты, оглянулся и увидел худощавого мужчину с черными глазами и волосами, который торопливо подошел к ирландцу и дотронулся до его плеча. Ирландец указал на карету.

— Смотрите! — воскликнул Данэм. — Кажется,

я их вчера видел у дома мистера Филлипса.

Девушка потянулась к окну и отпрянула, вскрикнув от ужаса. Карета тронулась.

— Это мой кузен Ричард! — воскликнула она.

— Вы уверены? — спросил Данэм, и на его лице отобразилась решимость.

— Абсолютно, — ответила она и снова выглянула в окно. — Думаете, он меня видел?

— Полагаю, да, но скоро мы его переиграем. — Он потянулся вперед и что-то сказал кэбмену; тот завернул за угол и остановился у телеграфа.

— Пойдемте со мной на минутку, дорогая. Я позвоню в детективное агентство, где меня хорошо знают, и прикажу следить за этим человеком. Нельзя позволять ему расхаживать на свободе. — Он помог ей выйти и взял ее под руку. — Больше не бойтесь. Я о вас позабочусь.

Он позвонил в агентство, подробно описал двух мужчин и сообщил их местонахождение. К зданию Ассоциации тут же выслали детектива.

Трайон Данэм вежливо сопроводил невесту в карету и, чтобы ее отвлечь, открыл коробку с цветами и вложил в ее изящные ручки в перчатках великолепный букет из белых роз и ландышей. Затем в первый раз заключил ее в объятия и поцеловал. Обратив внимание на ее поношенные

перчатки, он порылся в нагрудном кармане и достал белые перчатки сестры, которые девушка прежде уже надевала.

— Видите! Я носил их с собой с тех пор, как вы мне их прислали. Сестра их даже не хватилась. Я решил сохранить их для вас.

Наконец они добрались до церкви, и бледные щеки девушки вновь порозовели. Заходя в тускло освещенный храм, Трайон думал, как же хороша его невеста. С балкона послышались звуки свадебного марша. На первом ряду сидели свидетели — жена и дочь пастора. Сам пастор встретил их у входа, радушно улыбнулся, пожал Трайону руку и пригласил их внутрь. Музыка затихла. Церемония началась. Пастор наклонился к юноше и прошептал:

— Трайон, я забыл спросить, как зовут вашу невесту.

— Ах да. — Молодой человек опешил и взглянул на прелестную девушку, стоявшую возле него. Он не мог допустить, чтобы его друг догадался, что он не знает настоящего имени своей будущей жены, поэтому, лихорадочно соображая, выпалил: — Мэри!

Церемония возобновилась. Голос пастора торжественно звучал в пустой церкви.

— Берешь ли ты, Трайон, эту женщину в законные жены?

Юноша крепко сжал изящную ручку девушки и ответил:

— Да.

— Берешь ли ты, Мэри, этого мужчину в законные мужья? — спросил пастор, и девушка с искренним обожанием посмотрела на Трайона и ответила:

— Да.

Тут жена пастора, которая знала Трайона Данэма и дорожила его дружбой, вполголоса проговорила:

— Все хорошо. Она его любит.

Когда прозвучали торжественные слова, связавшие их навсегда, они поблагодарили своих добрых друзей и сели в карету. Трайон сказал:

— А ведь я так и не знаю твоего настоящего имени!

Карета тронулась, а девушка весело рассмеялась и ответила:

— Меня зовут Мэри!

Как только карета отъехала от церкви и скрылась за углом, с противоположной стороны улицы, запыхавшись, показались двое молодчиков. У коренастого ирландца в мешковатом

сюртуке отклеилась одна подошва, и он тщетно пытался угнаться за своим спутником, худощавым и хмурым, который шел намного быстрее него. Их задержала стычка с хозяйкой филиала Ассоциации молодых христианок: та поведала загадочную историю о девушке в платье служанки, снявшей комнату, откуда вскорости вышла благородная дама и покинула здание в сопровождении джентльмена. Если бы не мальчик-лифтер, подсказавший, что речь идет об одной и той же леди, они бы так и не разгадали эту тайну.

Через минуту из-за угла выехал на мотоцикле мужчина в гражданском и как ни в чем ни бывало остановился рядом с парочкой. Его взгляд все подмечал; он делал вид, что рассматривает номера домов на противоположной стороне улицы, но на самом деле слышал каждое слово этих двоих. Те увидели скрывшуюся за углом карету и поспешили следом. Мотоциклист стоял у входа в здание Ассоциации и притворялся беспечным зевакой, пока лифтер рассказывал свою историю. Затем мотоциклист проехал немного вперед, миновал карету и успел заглянуть внутрь; обогнул квартал, вернулся и сел на хвост двумя преследователям.

Карета остановилась у бокового входа в гости-

ницу; мотоциклист опередил преследователей и увидел, как новобрачные вышли и поднялись по мраморной лестнице. Карета уже уезжала, когда из-за угла показался сначала худощавый малый, а потом и ирландец в сюртуке, тащившийся за своим товарищем с опозданием в полквартала; он волочил ноги в галошах, как сенбернар, наряженный в домашние тапочки.

Преследователи успели заметить добычу, но двери лифта закрылись, и новобрачные поехали наверх. Однако злодеям удалось проскользнуть незамеченными мимо администраторов гостиницы и подняться по широкой лестнице. Прислушиваясь к звукам лифта, они догадались, что тот остановился на втором этаже, и поняли, что нужный им номер находится там. Притаившись в темном коридоре, они стали ждать и вскоре увидели Данэма, который вышел из номера и поспешил к лифту. Юноша вспомнил, что обещал матери зайти к гравировщику. Как только он ушел, преследователи подошли к двери и постучали.

Сияя от счастья и ничуть не сомневаясь в собственной безопасности — ведь теперь она находилась под защитой мужа, — Мэри Данэм открыла дверь. Она думала, что пришел коридор-

ный и принес кувшин с ледяной водой, который она только что попросила.

— Наконец-то я тебя нашел, прелестная кузина! — раздался голос Ричарда, в котором слышалась недвусмысленная угроза и ярость, накопившаяся за время бесплодных поисков.

В тот самый миг с лестницы бесшумно спустился мотоциклист и притаился в темном коридоре.

Мэри Данэм показалось, что она вот-вот лишится чувств; она представила, как ее хватают и уволакивают туда, где ее никто не найдет, пока мужа нет рядом. Но сделав над собой усилие, она взяла себя в руки и решительно взглянула в лицо своему мучителю. Хотя поначалу мужество ее оставило, теперь она собралась; все чувства обострились. Спокойно, будто не происходило ничего из ряда вон выходящего, она вытянула руку и холодными дрожащими пальцами нажала на электрическую кнопку на стене. Зная, что скоро кто-нибудь придет на помощь, она ощутила прилив сил и заговорила:

— Что ты здесь делаешь, Ричард?

— Пришел за тобой, моя милая. Ты заставила меня побегать, но теперь за все заплатишь.

Его перекошенное от злобы лицо утратило всю красоту. Девушка похолодела, заглянув в его гла-

за, пронзавшие ее, как острые кинжалы.

— Я никуда с тобой не пойду, — ровным голосом произнесла она.

Он грубо схватил ее тонкую руку и выкрутил, как в детстве. Никто не заметил незнакомца, бесшумно приближавшегося по коридору.

— Пойдешь по-хорошему или прикажешь связать тебя и вставить кляп? — процедил Ричард. — Выбирай скорее. Я не в настроении с тобой церемониться.

Хотя он больно выкручивал ей руку, она потянулась и другой рукой снова нажала на кнопку в стене. Внизу в комнате охраны надрывался звонок, но в гостинице были толстые стены и широкие коридоры; на втором этаже звонка никто не слышал.

— Хватай ее за другую руку, Майк, — велел Ричард, — и заткни ей рот, а я пока свяжу ей руки.

Тут Мэри закричала. Мотоциклист вышел из своего укрытия и тихо произнес:

— Что здесь происходит?

Двое опешили и на миг выпустили руки девушки. Затем Ричард, разозлившись на непрошеное вмешательство, нагло ответил:

— Эта девушка сбежала из сумасшедшего дома, а нас прислали ее поймать. Она опасна; не сове-

тую к ней приближаться.

Коридор огласил чистый и пронзительный голос Мэри Данэм:

— Трайон! Трайон! — кричала она. — Скорее! На помощь!

Будто мгновенно отреагировав на ее призыв, лифт пришел в движение и поднялся на второй этаж; двери открылись, и вышел Трайон Данэм, успев зайти в комнату как раз в тот момент, когда двое мужчин вновь схватили Мэри за руки и пытались ее связать.

Трайон тут же вцепился Ричарду в воротник и опрокинул навзничь на ковер в коридоре, после чего одним ударом уложил рыхлого ирландца, и тот растянулся у ног детектива. Детектив оседлал его и заломил ему руки за спину.

— Как вы посмели трогать эту леди? — проревел Данэм, встав рядом с бледной дрожащей Мэри и обняв ее сильной рукой.

Никто не заметил, что детектив подозвал коридорного и теперь вполголоса отдавал ему указания.

Вдруг испугавшись, Ричард встал и попытался уболтать незнакомца, который столь несвоевременно вмешался, когда золотая гусыня — то есть его кузина и ее состояние — уже почти была у

него в руках.

— Сэр, вы совершенно неправильно все поняли, — с видом оскорбленной невинности обратился он к Данэму, — хотя вы, конечно же, не виноваты. Эта девушка сбежала из сумасшедшего дома. Мы давно ее ищем и вот наконец выследили. Мы должны немедленно вернуть ее в клинику. Ее друзья очень беспокоились. Мало того, она опасна и угрожает постояльцам этой гостиницы. Она уже пыталась убить…

— Хватит! — прокричал Данэм голосом, полным праведного гнева. — Эта девушка — моя жена! А вы — ее кузен. Мне все известно о вашем плане запереть ее в клинике для умалишенных и украсть ее состояние! Я не ожидал встретить вас так скоро; теперь вы ответите за свои преступления перед законом.

Вошли двое полицейских, за которыми явилась целая толпа коридорных и носильщиков: им не терпелось посмотреть, из-за чего суматоха.

Стоило Данэму назвать Мэри своей женой, как Ричард смертельно побледнел. Его надежды заполучить состояние, ради которого он пожертвовал всеми моральными принципами, окончательно рухнули. Повернувшись и увидев неминуемую кару в лице двух дюжих представителей закона,

он хитро усмехнулся и метнулся к лестнице.

— Ну уж нет, — сказал расторопный коридорный, бросился к Ричарду и подставил ему подножку.

Полицейские вмиг накинулись на него и сковали наручниками. Ирландец взмолился о пощаде, сказав, что был всего лишь невинным орудием в руках злодея; тот якобы нанял его выследить сбежавшую сумасшедшую, и он все время верил в эту историю. Но и его бесцеремонно проводили в патрульную машину.

Все закончилось за считанные минуты. Детектив, полицейские и двое задержанных уехали на лифте. Дверь за Данэмом и его невестой закрылась, а напуганные шумом любопытные постояльцы, выглядывая из номеров, не увидели никого, кроме коридорных, оживленно обсуждавших сцену, свидетелями которой они только что стали.

— Он стоял здесь, а я — здесь, — рассказывал один юноша, — а потом полицейский подбежал и…

Постояльцы так толком и не смогли выяснить, что произошло: решили, что, наверное, кого-то пытались ограбить, и вернулись в номера проверять, надежно ли спрятаны их драгоценности.

Данэм притянул к себе дрожащую девушку и попытался ее успокоить. Слезы струились по бледным щекам; она положила голову ему на грудь, а он целовал ее заплаканное лицо.

— О! — всхлипывала она и содрогалась. — А если бы ты не пришел? Это было ужасно! Ужасно! Думаю, он ни за что бы меня не отпустил; он мог бы меня убить.

Постепенно его нежные увещевания ее успокоили, и она встревоженно на него взглянула.

— А ведь ты до сих пор не знаешь, говорю ли я правду. Я ничем не подтвердила свой рассказ. Скоро мы пойдем к моим опекунам и с твоей помощью все им объясним; тогда ты узнаешь, что я не вру, но до тех пор как ты можешь мне доверять?

Вместо ответа он покрутил перед ее глазами рукой. На одном из пальцев сверкало кольцо с бриллиантом — ее кольцо. Просочившийся в окно солнечный луч освещал его во всем великолепии.

— Видишь, дорогая? — спросил он. — Твое кольцо. Все это время я носил его в знак того, что верю тебе.

— Ты смог поверить мне на слово. И видишь, что из этого вышло.

Он поцеловал ее.

— Вижу, — ответил он. — Из этого вышло нечто прекрасное.

На миг в комнате стало очень тихо: она стояла, прильнув к нему, а он любовался ее прелестными чертами.

— Смотри, — наконец произнес он, достал из кармана маленькую бархатную коробочку, коснулся пружины, и крышка открылась. — Я решил найти компаньона твоему бриллианту. Подумал, что ты позволишь мне носить твое кольцо, а сама станешь носить мое.

Он достал кольцо из коробочки, обитой белым бархатом, и показал гравировку на внутренней стороне ободка: «Мэри от Трайона». Затем надел кольцо ей на палец поверх венчального, которое она приняла от него в церкви. Он убрал руку с ее талии и обхватил нежное запястье; сверкнули два бриллианта. Прежде чем скрыться за высокими домами, в комнату заглянули последние лучи заходящего солнца и, отразившись от двух камней, рассыпались затейливым калейдоскопом лучей и разноцветных призм, освещая будущее Трайона и Мэри. Он наклонился и снова ее поцеловал, а их взгляды, полные любви и взаимного доверия, встретились и засияли ярче бриллиантов.

Отрывок из книги Грейс Ливингстон Хилл «Девушка из монтаны»

Глава 1. Девушка и великая скорбь

Девушка осторожно вышла из-за угла и заглянула в открытую дверь убогого домишки, залитого ярким послеполуденным светом.

На лице ее были написаны и отвага, и страх. Перед ней стояла задача, и она намеревалась выполнить ее. Прикрыв глаза от солнца ладошкой, она решительно ступила на порог и, одним быстрым взглядом убедившись в том, что здесь ничего не изменилось со времени ее ухода, вошла в свой дом. На какое-то мгновение остановилась, дрожа, посреди комнаты.

Перед ее внутренним взором возникла череда похоронных процессий, начинавшихся от этого порога, и она вгляделась в следы последней, недавней, той, которая не была освящена ни одной молитвой.

Девушка зажмурилась и даже прижала к сухим, горячим векам холодные пальцы, но от этого

картина стала еще отчетливее.

Она видела свою крошечную сестренку, как та лежит посреди этой комнаты, такая маленькая, бледненькая бедняжечка, она видела красавца-отца — по такому случаю трезвого, — сидевшего в изголовье грубо сколоченного гробика, видела рядом с ним измученную, состарившуюся раньше срока, утратившую всякие надежды мать, которая даже не могла плакать. Но это было давно — в самом начале всей этой истории.

Были другие похороны — маленького братика, который утонул, играя в реке, к которой детей обычно не подпускали, старшего брата, который отправился на поиски богатства или, может, своего собственного пути, а потом, истерзанный лихорадкой, вернулся умирать на материнских руках. Но все эти похороны казались девушке, боязливо озиравшейся посреди опустевшей лачуги, давними, далекими. Память о них вытеснили похороны недавние: на этот год пришлись три смерти. Похороны отца, у которого даже в самые худшие его моменты находилось доброе слово для нее и для матери: его, покалеченного — он упал с лошади, столкнувшись в опасном, нехорошем месте с дикой отарой, — в беспамятстве принесли домой, и он так и не пришел в себя.

Всех их торжественно сопровождал в последний путь какой-нибудь случившийся поблизости странствующий проповедник, а если таковых не оказывалось, то молитву читала смертельно бледная мать, проговаривала дрожащими, непривычными к такому делу, но упрямыми губами. Мать всегда настаивала на священнике, ну и, конечно, на молитве, которая служила чем-то вроде заклинания, которое поможет усопшим обязательно попасть в пусть и убогий, но все же рай.

А когда через несколько месяцев после отцовской смерти мать, постепенно слабеющая и бледнеющая, вдруг схватилась за сердце, легла, задыхаясь, еле-еле проговорила: «Прощай, Бесс! Девочка моя любимая. Помни меня», и навсегда покинула свою тяжкую, полную разочарований жизнь, готовить похороны девушке помогал единственный оставшийся в живых брат. И уже ее губы шептали молитву. «Отче наш», — повторяла она слова, которым научила ее мать, потому что кроме нее произнести эти слова было некому: она побоялась отправлять непутевого братца на поиски священника, ибо он наверняка не поспел бы в срок.

Прошло полгода с тех пор, как печальная про-

цессия пронесла гроб матери по зарослям шалфея и полыни к месту последнего упокоения — рядом с мужем. Все эти полгода девушка следила за порядком в их домишке и за тем, чтобы непутевый братец ходил на работу и с работы домой. Но в последние несколько недель он все чаще и чаще оставлял ее одну на весь день, а то и на несколько дней, и возвращался пьяным с компанией таких же развеселых молодцев, которые внушали ей настоящий ужас. И вот два дня назад эти же приятели привезли на его же собственном верном коне тело брата: на месте сердца у брата были две дырки от пуль. Все из-за пьяной ссоры, сказали они, жаль, конечно. Кто именно стрелял, они не сказали.

По-своему они были добры, эти приятели. Они остались с ней, сделали все, что положено, вырыли могилу и в некоем подобии печального ритуала обошли кругом гроба, заглядывая в лицо почившего, но когда она попыталась прочесть молитву, которую прочла бы мать, то не смогла выдавить ни звука, язык словно присох к небу. Она убежала в свою каморку и оставалась там, пока лихие приятели выносили неподвижное тело того, кто был последним членом ее семьи.

Процессия проделала путь к тому месту, где

были похоронены остальные. Они уважили ее бесслезное горе, эти обычно шумные, бесшабашные парни. Они приберегли для себя грубые шуточки, которые обычно помогали им в требовавшие почтения моменты, шли медленно, молча, время от времени восхищенно оглядываясь на тоненькую фигурку, которая шла за ними словно сомнамбула — с каменным лицом, с сухими немигающими глазами. Они чувствовали, что надо что-то предпринять, но что именно, никто не знал, и потому молчали.

И только один, самый смелый и решительный, явный лидер их компании, приотстал и спросил, могут ли они что-то еще для нее сделать — все что угодно, но она оборвала его холодным и резким «Нет!». Вот ведь, а он-то правильно поступил, хорошо, он-то с ней по-доброму! И он резко отвернулся со злобным огоньком в глазах, но она этого не видела.

Когда это подобие похоронной церемонии было завершено, последний ком земли упал на невысокий холмик, непременное «прах к праху» произнесено самым из них решительным, они все повернулись к девушке, которая все это время стояла возле свежего холмика и молча смотрела на них, словно статуя Скорби, молча-

ливо взирающая на мир. Они никак не могли ее разгадать, эту молчащую, будто высеченную из мрамора девушку. Они думали, что уж теперь она как-то изменится. Все ведь позади! Сами они чувствовали облегчение оттого, что их развеселый дружок уже не лежит перед ними холодный и бессловесный. Ну все с ним, все! Последний долг они отдали, пора забыть. Теперь ему самому платить по небесным счетам, а у них и своих забот хватает.

И вдруг по лицу девушки пробежал огонек жизни, сделавший это лицо на мгновение прекрасным, и она медленно, почти неохотно поклонилась им — наклонила голову и простерла руки словно пытаясь благословить их, но не осмеливаясь, и четко произнесла: «Спасибо вам… всем». Она как бы слегка дрогнула перед «всем», при этом с сомнением и неприязнью глядя на вожака, но все же произнесла это слово, поступив как до́лжно, и, повернувшись, быстрым шагом направилась обратно к дому.

Их, этих мужчин, не боявшихся ничего и никого на Диком Западе, захватили врасплох. Затем послышались слова, не все из которых ласкали слух: если б девушка услыхала хоть что-то, она бы еще больше ускорила шаг, а щеки ее раскрас-

нелись бы еще сильнее.

Но один из них, самый смелый, вожак, промолчал. Он нахмурился, в глазах его вспыхнул злобный зеленый огонь. Он отделился от остальных и сначала спокойно, затем все быстрее направился к месту, где они оставили лошадей. Вскочил на свою и тронулся в сторону домика с таким видом, что остальные не посмели за ним последовать. Их голоса затихли вдали, а в его глазах по мере приближения к цели уже загоралось коварство.

Девушка действовала быстро. Один за другим она вышвырнула из дома ящики, на которых стоял грубо сколоченный гроб брата. С силой растолкала по привычным местам сдвинутую мебель — как будто старалась уничтожить, стереть из памяти то, что здесь недавно происходило. Взяла висевшее на крючке братнино пальто, его лежавшую на каминной полке трубку и спрятала в своей комнате. Затем огляделась: все ли сделано или еще что-то осталось?

В залитом солнцем дверном проеме возникла тень. Она повернулась — это был тот, кого она считала убийцей брата.

— Я вернулся, Бесс, посмотреть, чем могу быть тебе полезен.

Говорил он по-доброму, но у девушки перехватило дыхание, и она непроизвольно прижала руку к горлу. Как бы ей хотелось высказать все, что думает, но она не посмела. Не позволила даже мысли об этом отразиться в ее глазах. Она снова напустила на себя тот непроницаемый вид, с которым стояла возле могилы. Он решил, что она окаменела от горя.

— Я же уже сказала, что помощь не нужна, — проговорила она, стараясь, чтобы голос ее звучал так же безжизненно-ровно, как и когда она благодарила друзей брата.

— Я понял, но ты осталась совсем одна, — произнес он вкрадчиво, и ей стало страшно от этих слов. — Мне просто жалко тебя.

Он подошел ближе — лицо ее сохраняло холодное спокойствие. Она инстинктивно глянула на дверь кладовки, где лежал ремень брата с двумя пистолетами в кобуре.

— Вы очень добры, — сказала она, сделав над собой усилие, — но сейчас мне лучше побыть одной.

Как же трудно было ей говорить вот так ровно и отстраненно — больше всего на свете ей хотелось наброситься на него с проклятиями, но она просто смотрела в это лицо, лицо зла, и страх куда

больший, чем страх смерти, подкрался к ней.

Ее мягкое достоинство только подхлестнуло его. Откуда она набралась этих царственных манер, она, рожденная в горной лачуге, выросшая в глуши? Почему ее произношение так отличалось от говора тех, кто ее окружал? Братец у нее был совсем не такой, мать была женщиной простой и тихой. Отца он не знал, потому что появился здесь недавно — скрывался в этом штате, поскольку был в розыске в другом. Человек с большим опытом, он дивился ее дикой, надменной красоте — и злорадствовал: ему нравилось думать, что она в его воле, что он может воспользоваться ее беззащитностью.

— Ничего хорошего в том, что ты совсем одна, нет, сама знаешь, и я пришел тебе на защиту. Кроме того, тебя нужно подбодрить, малышка. — Он придвинулся ближе. — Ты же знаешь, Бесс, ты мне нравишься, и я намерен позаботиться о тебе. Ты совсем одна, бедняжка!

Он стоял так близко, что она почувствовала на щеке его дыхание. Смертельно побледнев, она прямо смотрела на него. Неужели не найдется ничего на земле и в небесах, чтобы спасти ее? Мать! Отец! Брат! Никого не осталось! Ах! Если б она знала, что ссора, закончившаяся гибелью

брата, вспыхнула из-за нее, возможно, гордость за брата умерила бы ее скорбь и отчаяние.

Глядя в зеленый огонь, полыхавший в его адском взоре, она собрала все свои юные силы и заставила себя хранить спокойствие. Она не отпрянула в ужасе от этого человека, а сделала лишь небольшой, спокойный шажок назад — так могла бы вести себя женщина много опытнее и получившая куда более светское воспитание.

— Напомню, — сказала она, — что мой покойный брат лежал вот здесь совсем недавно, — и она указала на середину комнаты. Это напоминание прозвучало будто обвинение стоявшему перед ней мужчине. Он отступил, как если бы в этот момент в комнату вошел шериф, непроизвольно глянул туда, где совсем недавно стоял гроб, нервно рассмеялся, затем снова собрался.

Девушка набралась смелости. Ей удалось сдержать его сейчас, но сможет ли она удерживать его и дальше?

— Подумайте сами! — сказала она. — Его только что похоронили, и разве можно говорить о любви в той же комнате, откуда вынесли его гроб? Пожалуйста, дайте мне побыть какое-то время одной. Я не могу сейчас ни говорить, ни думать. Вы же знаете, мертвых следует уважать, — она

с мольбой смотрела на него: отчаяние придавало ее игре достоверность. Она словно пыталась усмирить льва или безумца.

Он был восхищен — ох, умна! Он уж было собрался возразить ей, высмеять ее, потому что вспомнил, какой взгляд был у ее брата за мгновение до того, как он выстрелил в него, однако в ее просьбе ему послышалось и обещание. Да, эта не из тех девиц, которых легко завоевать. Будет стоять на своем, и, может, даже и лучше дать ей время поупрямиться. Такая игра куда интереснее.

Она увидела, что ее трюк срабатывает, и задышала свободнее.

— Уходите, — произнесла она с намеком на улыбку. — Уходите. На время, — и снова попыталась улыбнуться.

Он шагнул вперед с намерением обнять и поцеловать ее, но она резко отступила и вытянула вперед руки, отстраняясь.

— Я же сказала, сейчас вам лучше уйти. Ступайте, ступайте, а то я никогда больше не стану с вами разговаривать.

Он глянул в ее глаза и почувствовал в ней силу, которой не мог не повиноваться. Он угрюмо отошел к двери.

— Однако, Бесс, так с друзьями не поступают, — сказал он с укоризной. — Я пришел, чтобы позаботиться о тебе, сказал, что люблю тебя, что хочу быть с тобой. У тебя никого другого нет…

— Замолчите! — вскричала она трагическим голосом. — Неужели вы не понимаете, что так нельзя? Брат только что умер. Мне нужно время, чтобы его оплакать. Этого требуют приличия!

Теперь она стояла, прислонившись к двери кладовки, в которой лежали два пистолета, и за спиной нашаривала деревянную щеколду.

— Вы совсем не уважаете мое горе. — У нее перехватило дыхание, она прикрыла рукой глаза. — Как я могу вам верить, если вы совсем меня не слушаете?

Это остановило мужчину. Он был покорен тем, что она вот-вот расплачется — надо же, что-то новенькое, трогательная слабость. Очаровательно!

— И как долго прикажешь ждать? — сдался он.

Она почувствовала такое отчаяние, что не могла вымолвить ни слова. О если б она осмелилась выкрикнуть ему прямо в лицо: «Вечность!» Если б она могла добраться до пистолетов и выстрелить — это был бы самый меткий выстрел на всем Тихоокеанском побережье. И самый безумный.

Она прижала пальцы к вискам в попытке что-

то придумать. Наконец и она сдалась:

— Три дня.

Он тихо выругался и грозно сдвинул брови. Она вздрогнула, поняв, каково это будет — оказаться всецело в его власти. Он натешится ею и выбросит прочь. Или просто убьет, когда она ему надоест! Жизнь в горах научила ее распознавать зло.

Он снова приблизился к ней, и ей показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Выпрямившись, она холодно произнесла:

— А сейчас вам следует уйти, и не думайте возвращаться по крайней мере до завтрашнего вечера. Идите!

И она улыбнулась ему — открыто, смело. Как ни странно, он отступил и уже в дверях повернулся и спросил:

— Можно поцеловать тебя на прощание?

Она непроизвольно вздрогнула, но протестующе выставила руки и, покачав головой, опять с улыбкой произнесла:

— Нет, не сегодня!

Он ушел, вроде бы поняв ее, но явно недовольный. Она уже было решила, что все кончено, но услышала его шаги со двора — он снова направлялся к дому. Она метнулась к порогу, чтобы встретить его: нельзя позволять ему снова войти!

Ну почему она сразу не заперла за ним дверь? Она застыла на пороге, а он уже было занес ногу, чтобы этот порог переступить. Сейчас, в ярком солнечном свете, она ясно видела, какое коварное у него лицо.

— Ты сегодня ночью будешь совсем одна.

— Я не боюсь, — спокойно ответила она. — Никто меня не потревожит. Разве вы не знаете, что в первую ночь после похорон дух человека является в свой дом? — она чуть было не произнесла «убитого человека».

Это была ее последняя отчаянная попытка.

Стоявший перед ней вздрогнул и нервно оглянулся.

— Тебе лучше сегодня уйти отсюда со мной, — сказал он, отступая от входа.

— Солнце садится. Вам пора, — произнесла она величественно, и он взобрался на свою резвую лошадь и ускакал по горной дороге.

Она глядела вслед его силуэту, четко вырисовывавшемуся на фоне кроваво-алого солнечного диска, который опускался все ниже и ниже. Она видела обвислые поля его шляпы, видела мускулистый торс, когда он обернулся посмотреть на нее, все еще стоявшую на пороге. Он и сам не мог понять, почему вот так уехал, однако уехал — и

хмурился всю дорогу. Ну ничего, злобно подумалось ему, он еще вернется.

Наконец он исчез вдали, а девушка подняла глаза к небу, на котором уже показалась призрачная бледная луна. Она осталась одна.

Продолжение читайте в книге Грейс Левингстон Хилл «Девушка из Монтаны»